

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ
и
Искусство“.

Съ доставк. и перес. на
годъ 7 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—40 к. со
стр. пет.

Адресъ редакціи и главной конторы
Моховая 45.

Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печ-
ковской—въ Одессѣ—при книжномъ мага-
зинѣ С. В. Можаровскаго въ пассажѣ.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонора, ра,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

Искусство

1904 г. VIII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 25 Іюля.

СОДЕРЖАНІЕ: Еще о дѣтяхъ на сценѣ.—
О Чеховѣ. П. А. Кудель. — Актеры и жизнь.
III. С. Святлова. — Хроника театра и искусства.—
Памяти Чехова. В. Никулени. — Маленькая хро-
ника.—Письма въ редакцію. — Цѣна таланта. А.
Ростиславова. — Минувшіе дни (изъ воспоминаній
П. А. Стрелетовой). — Провинціальная лѣтопись.—
Объявленія.

Рисунки: А. П. Чеховъ на смертномъ одрѣ;
турнѣ г-жи Коммисаржевской; „Важная парочка“;
„Красная мантия“.

№ 30.

Портреты: † А. Д. Бабича, † Ю. И. Іоган-
сона, Фр. Ондричека, де-Берги, Велецкой, Зен-
геръ-Зете.

Приложеніе: кн. XIV — содержаніе: Отъ
Москвы до Владивостока. В. И. Никулени. — Сти-
хотворенія З. Бухаровой. — Среди любителей (окон-
чаніе). Н. Викторова. — „Благодѣтели человѣче-
ства“, пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ Ф. Филиппи,
перев. II. Немуродова.

Открыта ПОЛУГОДОВАЯ (съ 1 Іюля) подписка
НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“
(ВОСЬМОЙ годъ изданія).

Подписная цѣна—4 руб.

Съ 1 января 1904 г. по конецъ года — 7 р.

С.-Петербургъ 25-го іюля 1904 г.

Къ пресловутому ходатайству петербургской
думы мы не надѣялись возвратиться такъ скоро. Но
„событія идутъ съ большою быстротою“, скажемъ
мы, въ подражаніе историкамъ, — съ быстротою и
чрезвычайнымъ блескомъ. Въ газетахъ читаемъ:

21 іюля въ засѣданіи городской управы былъ рассмотрѣнъ
и одобренъ проектъ ходатайства министру внутреннихъ дѣлъ
о недопущеніи лицъ, не достигшихъ пятнадцатилѣтняго воз-
раста къ участію въ театральныхъ представленіяхъ и зрѣли-
щахъ въ качествѣ актеровъ, статистовъ, хористовъ, музы-
кантовъ, пѣсенниковъ и т. п.

Мотивы ходатайства основаны на прекрасно (?) разрабо-
танномъ докладѣ комисіи по народному образованію. Город-
ская управа проситъ, чтобы по отношенію къ найму малолѣт-
нихъ антрепренерами была примѣнена ст. 11 Высочайше
утвержденнаго 8 іюня 1893 г. Положенія о трактирномъ (!)
промыслѣ: „Въ заведеніяхъ трактирнаго промысла съ продажей
крѣпкихъ напитковъ не дозволяется держать вообще прислуги (!?)
молоче пятнадцати лѣтъ“.

Сообщеніе это такъ краснорѣчиво, что наши
„комментаріи“ могутъ только ослабить впечатлѣніе.
„Прекрасно разработанный“ докладъ комисіи (мы
приводили образцы этой прекрасной „разработки“,
вродѣ того, что мальчикъ въ какомъ-то водевилѣ

таскалъ изъ кармана бумажникъ, а потомъ и въ
подлинной кражѣ попался) предлагалъ примѣнить
къ участію малолѣтнихъ на сценѣ положеніе о
трудѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ и заводахъ. По-
четнаго въ этой аналогіи не было, но не было и
позорящаго театрѣ. Городская же управа „управи-
лась“ съ вопросомъ гораздо остроумнѣе: приравнявъ
театръ къ кабаку, а исполнителей къ кабацкой при-
слугѣ. Зная близость петербургскихъ управцевъ (по
крайней мѣрѣ до реформы думы) къ разнымъ „трак-
тирнымъ депутаціямъ“ (это словечко изъ думскаго
жаргона—дорогого стоитъ), мы не должны удивляться,
впрочемъ, легкости, съ которою управа произвела
свое „сближеніе“.

Поблагодаривъ петербургскую управу за компли-
ментъ, можно, однако, спросить: въ какомъ смыслѣ
допустима такая аналогія театра съ трактиромъ, а
актера съ „прислужающимъ“, по отношенію, напри-
мѣръ, къ тѣмъ театрамъ, которые не только ли-
шены буфетовъ съ крѣпкими напитками, но имѣютъ
главною своею задачею содѣйствовать насажденію
трезвости? А между тѣмъ изъ собранныхъ тою же
коммисіею данныхъ явствуетъ, что участіе малолѣт-
нихъ въ сценическихъ представленіяхъ практикуется
едва ли не чаще всего въ театрахъ попечительства
о народной трезвости.

Съ грустью пишемъ мы настоящія строки. Мно-
гое можно было бы возразить на оскорбительное хо-
датайство петербургской управы, едва ли вѣдающей,
что она творитъ, но не въ возраженіяхъ дѣло.
Суть—въ основаніи безсмыслицъ положенія театра,
который, съ одной стороны, есть высшій родъ ис-
кусства, создавшій самыя великія произведенія ра-
зума и сердца и требующій отъ своихъ служителей
и большой души, и большого ума — а съ другой,

нѣчто среднее между домою терпимости и усовершенствованной харчевней. Вотъ въ чемъ истинная, глубокая и горькая трагедія театра, которую духовные родственники „трактирной депутаціи“ дали почувствовать съ такою неделикатностью.

Отдѣленіе театра отъ буфета — необходимость, давно уже всѣми сознаваемая. Что это возможно въ большинствѣ случаевъ — доказываетъ опытъ многихъ европейскихъ театровъ. У насъ мѣшаетъ климатъ. Дѣйствительно, нельзя требовать отъ публики, чтобы въ антрактахъ она надѣвала шубы и теплыя пальто и шла въ близъ лежащія трактиры. Поэтому приходится мириться съ существованіемъ буфетовъ при театрахъ, но „крѣпкіе напитки“ безусловно должны быть изъ нихъ изгнаны, и какъ мы уже указывали, починъ въ этомъ дѣлѣ долженъ принадлежать Императорскимъ театрамъ, гдѣ распивочная продажа водки рѣшительно не соотвѣтственна достоинству учреждений и терпится, конечно, только потому, что на эту „частность“ какъ-то не обращали до сихъ поръ вниманія.

Въ комисіи о пересмотрѣ театральнаго законодательства вопросъ о классификаціи театровъ на театры съ продажей крѣпкихъ напитковъ и театры безъ такой продажи былъ, сколько намъ извѣстно, поднятъ и поставленъ на очередь. Никто не оспариваетъ права на существованіе театровъ съ буфетомъ крѣпкихъ напитковъ, дающимъ въ лѣтнихъ садахъ, напримѣръ, большою доходъ, но не слѣдуетъ устанавливать единыя полицейскія и законодательныя нормы для театровъ обоого рода. Пусть, если угодно къ театрамъ, центръ тяжести коихъ лежитъ въ убѣдѣ, примѣняются даже пункты „Положенія о трактирномъ промыслѣ“ 1893 г. Можетъ быть, это будетъ вполне справедливо, но театръ, не поглощаемый понятіемъ буфета, есть прежде всего учрежденіе художественное, и ни „положеніямъ“ о трактирномъ промыслѣ, ни органамъ, надзирающимъ за трактирнымъ „благоповеденіемъ“, театръ не можетъ и не долженъ быть подчиненъ.

Ходатайство петербургской управы, надѣясь, послужить на пользу русскому театру, и дать толчокъ уважающимъ себя театрамъ освободиться отъ буфетовъ съ крѣпкими напитками. Въ дѣйствительности, и доходъ отъ нихъ (имѣемъ въ виду зимніе театры) едва ли имѣетъ особое значеніе. Аренда буфета даетъ максимумъ 30 руб. въ вечеръ. Упраздненіе крѣпкихъ напитковъ можетъ понизить аренду до 15 руб., т. е. иначе говоря, наивысшая потеря, которую можетъ понести театръ, не превыситъ 450 р. въ мѣсяцъ или 2,000—3,000 р. за сезонъ. Сумма эта при оборотѣ театра въ 150—200,000 р., такъ невелика, что опытъ не представляется насколько рискованнымъ.

Тогда падетъ единственное основаніе, позволяющее людямъ „беззаботнымъ насчетъ искусства“ возбуждать оскорбительныя ходатайства, и быть можетъ, явится убѣжденіе и въ томъ, что невозможно мотивировать раннее прекращеніе спектаклей интересами ресторанной торговли, потому что публика будетъ переходить не изъ одной харчевни въ другую, а изъ художественнаго учрежденія — куда ей заблагоразсудится.

Поступило на образованіе стипендіи имени А. П. Чехова.

Отъ Д. И. Басманова (со спектакля, устроеннаго въ память Чехова въ г. Смоленскѣ)	75 р.	—	к.
А. И. Сашко-Волынского	3	—	—
И. П. Артемьева	2	—	—
А. В.	—	75	—

Итого . 80 р. 75 к.

А всего съ прежде поступившими 91 р. 75 к.

О ЧЕХОВѢ.

II.

Въ „Чайкѣ“ Треплева говоритъ: «новыя формы нужны, новыя формы, а если ихъ нѣтъ, то лучше ничего не нужно». Безъ всякаго сомнѣнія, тутъ устами Треплева говорить Чеховъ. Мнѣ бы хотѣлось показать, какимъ образомъ, послѣдовательно, изъ состоянія души писателя, манеры его наблюденія и творчества, выросла «архитектоника» его драмы. Задача эта, конечно, весьма обширная, и быть можетъ, требующая спеціальнаго труда или монографіи, и потому я не отвѣчаю ни за полноту, ни за законченность предлагаемаго очерка. Думаю, однако, что и нѣкоторый набросокъ можетъ кое-что уяснить въ занимающемъ насъ вопросѣ.

«Ивановъ», первая крупная пьеса А. П. Чехова, являетъ собою произведеніе, написанное въ обычныхъ театральныхъ формахъ. Психологическая и художественная сущность Чехова къ этому времени опредѣлилась. Ивановъ, какъ самое имя показываетъ — это весьма обыкновенный и потому типическій представитель русскаго такъ называемаго «интеллигентнаго класса». Пошлость дореформеннаго строя онъ переросъ, а новыхъ формъ жизни не приобрѣлъ. А между тѣмъ «новыя формы нужны, и если ихъ нѣтъ, то лучше ничего не нужно». Нытикъ, безвольный челоуѣкъ, малодушно страдающій, всегда раздвоенный и главное, не имѣющій опредѣленныхъ, сильныхъ, яркихъ желаній. Онъ добръ, но... Великодушенъ, но... Уменъ, но... Ни онъ не владѣетъ моралью, помыкая ею; ни она не владѣетъ имъ, приковавъ его къ своей тачкѣ, какъ вѣчнаго каторжника. Не съ такою тонкостью, какъ въ послѣдствіи, но быть можетъ, съ большею ясностью, Чеховъ въ Ивановѣ далъ прообразъ всего, что вылилось въ дальнѣйшихъ его пьесахъ, въ смутныхъ, воздушныхъ очертаніяхъ его Гаевыхъ, Вершининыхъ, Астровыхъ и пр. Поэзія Чехова витала надъ «Ивановымъ», и если Чеховъ не былъ угаданъ во всей своей сокровенной сути, то, конечно, потому, что сценическая форма «Иванова» достаточно шаблонна, и мѣстами, вполне очевидно, идетъ вразрѣзъ съ сущностью чеховской поэзіи. Крупное дарованіе имѣетъ свою технику, — если угодно, свой шаблонъ. Иначе говоря, свое содержаніе даетъ свою форму. Въ «Ивановѣ» прежняя форма, которой держался Чеховъ, мѣшала съ нужною ясностью и цѣльностью вылиться и его содержанію. Въ «Ивановѣ» есть нѣсколько условныхъ персонажей, фигуръ болѣе театральныхъ, нежели истинно чеховскихъ. Напримѣръ, jeune comique и «фатъ» — Боркинъ. Мѣстами слегка замѣтно подражаніе Островскому, напримѣръ, въ рѣчахъ и самой постановкѣ фигуры купеческой дочери Марѣи Егоровны Бабакиной. Самый конецъ «Иванова» — есть подлинно жертва, принесенная душою Чехова богу театральнаго шаблона. Я говорю о самоубійствѣ Иванова, и о довольно фальшивомъ тонѣ его послѣднихъ рѣчей. Вполнѣ театрально и даже непонятно звучитъ восклицаніе Иванова предъ выстрѣломъ: «во мнѣ проснулся прежній Ивановъ!» Какой Ивановъ? Вся сущность Иванова въ томъ, что онъ самъ себѣ равенъ, а не въ томъ, что «среда заѣла». Вообще, этотъ выстрѣлъ очень напоминаетъ выстрѣлъ Холмина въ «Блуждающихъ Огняхъ».

Это вынужденное (какъ мнѣ кажется) тяготивніе Чехова къ театральному шаблону растетъ, по мѣрѣ развитія пьесы, т. е. по мѣрѣ того, какъ предъ художникомъ возставала необходимость развязки, какъ

она искони понимается въ театрѣ. Финальная сцена перваго акта, картина страданія жены Иванова напоминает по нѣжности и мягкости тоновъ настроеніе Маши въ послѣднемъ актѣ «Трехъ Сестеръ». Это настроеніе уже было у Чехова, а между тѣмъ приходилось подглядывать, подслушивать, говорить монологи, стрѣляться. И холодная, напрокатъ взятая форма, стѣсняла и давила художественное созерцаніе Чехова.

Я не буду останавливаться на «Лѣшемъ», переработанномъ въ «Дядю Ваню». Буду говорить о «Дядѣ Ванѣ». Вотъ поистинѣ плѣнительное произведеніе Чехова. Если въ «Ивановѣ» художественная сущность Чехова была подавлена старыми формами; если въ «Чайкѣ» исканіе новыхъ формъ поглотило содержаніе, и изъ-за страстно желаемыхъ «новыхъ формъ», въ сущности, Чеховъ не досмотрѣлъ, какъ банальна исторія «Чайки» и какъ мало поэтической гармоніи между подстрѣленной Чайкой—Зарѣчной—и всѣмъ окружающимъ, и какой тутъ недостатокъ художественнаго міросозерцанія,—то въ «Дядѣ Ванѣ» мы имѣемъ свѣжее, искреннее дарованіе, нашедшее для себя и свѣжія, искреннія формы. «Дядя Ваня» полонъ тихаго поэтического очарованія, и внутри, и во внѣ. По совершенству исполненія и задушевности, эта пьеса Чехова—украшеніе русской литературы. Это поистинѣ классическое произведеніе, и единственная пьеса послѣ Островскаго, которая никогда не умретъ въ исторіи русскаго театра.

Я знаю эту пьесу почти наизусть: до того она мнѣ нравится. Конечно, это не доказательство. Впрочемъ, что можно, вообще, доказать? Но читая и перечитывая ее, я тщетно стараюсь найти хотя бы одну строку, хотя бы одно слово, которыя можно было бы исключить или переставить. Чеховъ нашелъ въ «Дядѣ Ванѣ» самого себя. Театръ неподвижности, потому что сама жизнь здѣсь неподвижна, театръ будней, потому что жизнь здѣсь буднична; и въ то же время театръ, представляющій, какъ истинно художественное созданіе, замкнутый въ самомъ себѣ кругъ страданія. «Ивановъ» насильственно разбиваетъ цѣпь своей трагической судьбы, и я въ этомъ вижу, какъ указано было выше, основное противорѣчіе душевному строю чеховскихъ героев, которые «обмираютъ», но не умираютъ. «Дядя Ваня»—только обмираетъ. Приѣздъ профессора съ женою нѣсколько баламутитъ застоявшуюся жизнь. Начинается пертурбація; что-то приходитъ въ движеніе; мелькаютъ какіе-то огоньки, вспыхиваетъ Астровъ, влюбленный въ лѣсъ; подступаетъ судорожное рыданіе къ горлу дяди Вани; зашевелилось что то, затрещало, всполошилось, «загоготали гусаки», по выраженію няни, раздался выстрѣлъ,—но затѣмъ все улеглось, «уѣхали», потянулась прежняя заунывная, тихая, неподвижная жизнь... Вы ясно понимаете, что выстрѣлъ дяди Вани непременно долженъ былъ быть неудаченъ, потому что если бы дядя Ваня попалъ въ профессора—это все-таки былъ бы выходъ изъ замкнутого круга, неизмѣннаго, какъ судьба. Каторга, что ли, или внут-

ренія каторга бывшаго грѣха—все равно, это была бы перемѣна, вторженіе случайности, насильственно повернувшей ходъ вещей и разбившей оковы судьбы. «Мы отдохнемъ», говоритъ Соня, и вы чувствуете, что это уже относится не къ жизни, но къ блаженству небытія, къ прекрасной Нирванѣ, спускающейся съ неба таинственнымъ покрываломъ. И символъ здѣсь выраженъ робко, съ истинно художественною скромностью, не навязчиво. И общественная мораль высказана застѣнчиво, мимоходомъ, стыдливо. Она, по моему, въ монологѣ Астрова о лѣсѣ. Вырубили лѣса, покончили съ природой, а не создали на это мѣсто никакого производства. Такъ и борьба за существованіе разрушила всѣ прежнія основы жизни, новыхъ же не выработала. А между тѣмъ на вырубленной и обезчещенной лѣсной просѣлкѣ, лишенной патріархальнаго приволья, прежней фауны и флоры, особенно «нужны новыя формы, новыя формы»...

Итакъ, говорю я,—въ «Дядѣ Ванѣ» все превос-

А. П. Чеховъ на смертномъ одрѣ.

сходно, все гармонично, строго и прекрасно. Форма вылилась изъ содержанія въ таинственной прелести безсознательнаго процесса. Пьеса волнуетъ и трогаетъ, даетъ неизъяснимое блаженство художественнаго созерцанія.

«Чайка» — переходная ступень къ позднѣйшему театру «новыхъ формъ». Чеховъ шелъ здѣсь, какъ и Треплевъ, «отъ новыхъ формъ» къ новому содержанію. «Люди, львы, орлы и куропатки, рогатые олени, пауки, молчаливыя рыбы и проч.», которыми начинается монологъ въ недоигранной пьесѣ Треплева,—это форма, при помощи которой молодой поэтъ хотѣлъ сказать, что «во вселенной остается постояннымъ и неизмѣннымъ одинъ лишь духъ». Но я не нахожу, чтобы эта форма была удачна: она вычурна и не поэтична, и идею можно было высказать въ формахъ болѣе простыхъ и сильныхъ. Мнѣ кажется, что Чеховъ, подобно Треплеву, слишкомъ много и долго кружится надъ отдѣльными словами, фразами, положеніями. Символъ бѣденъ. «Чайка» скучновата, однообразна и эпизодична. Фонъ озера совершенно не данъ, и дѣйствующія лица—Соринъ, Дорнъ, Аркадина, Тригоринъ, Шамраевъ, Маша и др.—не связаны единствомъ общаго символа и общей идеи. Я не отрицаю большой прелести отдѣльных сценъ «Чайки», но хочу лишь сказать, что тутъ ма-

ленькій сюжетъ тонетъ въ затѣйливой формѣ. Здѣсь нѣтъ міросозерцанія Чехова, а только одна его манера. Части соединены мѣстами механически. Въ какомъ отношеніи, на примѣръ, Аркадіна къ Чайкѣ? Въ чемъ суть Треплева? Признаюсь, для меня это неясно и теперь, когда я совершенно понялъ «новыя формы» Чехова, какъ было неясно и раньше, когда эти формы были, такъ сказать, новостью на русской сценѣ. Повторяю: въ «Ивановѣ» былъ уголъ зрѣнія на жизнь, хотя формы были стары и часто мѣшались; въ «Дядѣ Ванѣ» уголъ зрѣнія выступилъ еще опредѣленнѣе, и прелесть цѣлаго такова, что неохота да и лѣнь думать о томъ, какія сценическія формы приняла пьеса. Въ «Чайкѣ» же явственно выступаетъ претенціозность формы, ради которой какъ будто только и рассказана исторія Нины Зарѣчной и выведены всѣ эти Дорны, Сорины, Аркадины и пр.

Безпросвѣтность жизни, съ одной стороны, и стихійно-безразличное отношеніе къ людямъ, которые топчутся на землѣ—такова художественная мелодія, что-ли, чеховской музы. Она выражается, я бы сказалъ, афоризмомъ Ницше: «падающаго толкни!» Замѣтная въ «Ивановѣ», въ рѣзкомъ противоположеніи Иванова и честнаго, но узкаго доктора Львова, еще болѣе опредѣлительно выражающаяся въ «Дядѣ Ванѣ», она достигаетъ—минуя «Чайку», съ ея крохотною моральною состраданія къ подстрѣленной чайкѣ—полнаго развитія въ «Трехъ сестрахъ» и «Вишневомъ садѣ». «Новыя формы» въ этихъ пьесахъ (говорю, конечно, не о режиссерскихъ мелочахъ) вполне отвѣчаютъ основному настроенію, основной мелодіи Чехова.

Я постараюсь это доказать въ слѣдующей статьѣ.

А. Кугель.

АКТЕРЫ И ЖИЗНЬ *).

III.

Лучшая часть актерства никогда не мирилась съ сезонными браками. Она искала болѣе крѣпкихъ, болѣе прочныхъ связей между мужчиной и женщиной. Среди актеровъ не всѣ же были бонвиваны и среди женщинъ не всѣ—легкомысленныя кокетки. И тамъ, и тутъ были люди, которые жаждали любить серьезно и хотѣли не мимолетнаго чувства, а прочной связи съ избранникомъ своего сердца.

И это стремленіе имѣло своихъ немалочисленныхъ представителей даже въ эпохи наибольшаго разгара сезонныхъ сожителствъ, въ 70-хъ—80-хъ годахъ, и едва ли я ошибусь, если скажу, что за послѣднее десятилѣтіе оно настолько развилось и укоренилось, что является въ актерской средѣ господствующимъ. Люди не только сходятся въ гражданскомъ сожителствѣ, но стремятся освятить совмѣстную жизнь церковнымъ бракомъ. Очень жаль, что мы не имѣемъ статистики актерскихъ браковъ; я увѣренъ, что число ихъ постоянно возрастаетъ.

Такимъ образомъ семейная жизнь актерской браціи входитъ въ болѣе правильную колею; дается исходъ лучшимъ стремленіямъ человѣческаго сердца. Человѣкъ чувствуетъ, что онъ не одинъ, что есть близъ него дружеская душа, готовая сочувствовать его горю, его радости. А какъ много это значитъ для актера при его бездомности, кочующей жизни;

имѣть возлѣ себя близкаго человѣка—это большое счастье. Оно даетъ силы легче переносить житейскія невзгоды; даетъ увѣренность въ своихъ силахъ, даетъ душевное спокойствіе и бодрость смѣлѣе глядѣть въ будущее.

Наконецъ, семейный актеръ легче чувствуетъ себя равноправнымъ членомъ общества. Женившись, онъ «обуржуазится».

Въ предыдущихъ статьяхъ я старался вкратцѣ, какъ только возможно въ небольшой статьѣ, показать бытовыя условія, которыя привели къ появленію семейныхъ сожителствъ въ актерской средѣ. Понятно что и усиленію долговременныхъ сожителствъ въ настоящее время способствуютъ нѣкоторыя бытовыя особенности теперешней постановки театральнаго дѣла. Нѣтъ сомнѣнія, что здѣсь играютъ роль и моральныя причины, т. е., повышеніе умственного и нравственнаго развитія актера; но во всякомъ случаѣ громадное значеніе имѣютъ и причины бытовыя. Изъ нихъ я укажу на двѣ, по моему имѣющія главное значеніе.

Первая—это совершающаяся на нашихъ глазахъ реформа театральнаго дѣла. Переходное состояніе русскаго театра, вызванное переломомъ русской жизни середины прошлаго вѣка, заканчивается. Театръ постепенно демократизируется, создается громадный контингентъ новой публики, ищущей въ театрѣ не только грубаго развлечения или раздраженія чувственности, какъ было въ старое время, но предъявляющей театру требованія серьезныя и повышенныя. Въ связи съ этимъ нарождаются и новыя формы художественнаго театра. Театральное дѣло становится на болѣе прочную почву. Начинаютъ создаваться постоянныя труппы, въ которыхъ актеры служатъ уже по нѣсколько лѣтъ. Положеніе актера становится болѣе прочнымъ, болѣе обезпеченнымъ. Понятно, что все это даетъ возможность актеру устраивать свою жизнь болѣе по человѣчески, обзаводиться женою и семействомъ.

Вторая причина, имѣющая, пожалуй, еще болѣе значенія, это вліяніе женщины. Современная актриса совершенно не то, что актриса добраго стараго времени. Если тамъ мы видимъ одалиску, то теперь актриса не только порядочная женщина, но часто даже и феминистка. Самостоятельный трудъ, дающій актрисѣ возможность существовать независимо отъ мужчины, обязательно вліяетъ на ея социальное положеніе. Если на сценѣ не мало «этихъ дамъ», то большинство актрисъ честныя, порядочныя женщины, вносящія и въ актерскую среду свои взгляды на нравственность, на взаимныя отношенія половъ, и тѣмъ невольно облагораживающія и всю среду, въ которой онѣ вращаются.

Сознавая себя личностью самостоятельною, женщина-актриса, конечно, не въ состояніи мириться ни съ положеніемъ покинутой жертвы, ни съ ролью цвѣтка, служащаго для забавы порхающихъ мотыльковъ. Это не замедлило сказаться и на ея отношеніяхъ къ мужчинамъ. Сезонное сожителство не могло не претить ей; исканіе прочной связи заложено въ самой натурѣ женщины. Стремленіе любить—также свойственно актрисѣ, какъ и всякой женщинѣ. Служеніе искусству отлично уживается съ стремленіемъ женщины имѣть свой очагъ, свою семью. Любовь въ жизни женщины играетъ болѣе сильную, прѣвалирующую роль, чѣмъ у мужчины, да и самое чувство болѣе возвышенно и болѣе идеально, чѣмъ у непрекрасной половины рода человѣческаго.

Конечно, все это старая и избитая истины, о которыхъ не стоило бы и говорить, если бы именно онѣ не сыграли значительную роль въ упорядоче-

*) См. № 29.

— ♪ ТУРНЭ Г-жи КОММИСАРЖЕВСКОЙ. ♪ —

Г. Мартовъ. Г. Поповъ. Г. Петровский. Г. Марковъ. Г. Грузинскій. Г. Карповъ.
Г. Бравичъ. Г. Хворостовъ. Г-жа Строчкова. В. Ф. Комми- Г-жа Ра-
Г. Мурскій. саржневская. тѣева.

ни брачныхъ отношеній въ актерской средѣ. Благодаря вліянію женщины-актрисы исчезаютъ сезонные браки, благодаря ей упорядочивается актерская семья, благодаря ей облагораживается и актеръ. Примемъ и то во вниманіе, что въ религиозныхъ вопросахъ женщина гораздо консервативнѣе, чѣмъ мужчина. Неудивительно поэтому, что актерскія сожителства все чаще и чаще освящаются церковнымъ бракомъ.

Такое же вліяніе актрисы сказалось и на отношеніяхъ ея къ мужчинамъ неактерамъ, къ мужчинамъ изъ общества. Мы теперь рѣже слышимъ, что актриса «пошла на содержаніе» къ такому-то, чѣмъ — актриса «вышла замужъ» за такого-то. Можно вполнѣ убѣжденно сказать, что въ будущемъ съ увеличеніемъ въ актерской средѣ женщинъ, идущихъ на сцену по призванію и съ вытѣсненіемъ со сцены «этихъ дамъ», что вѣроятно не замедлитъ случиться, вліяніе актрисы на бытовые условія актерской жизни будетъ еще болѣе благотворнымъ.

Хотѣлось бы мнѣ помянуть добрымъ словомъ тѣхъ актрисъ, которыя и въ переходное время театральной жизни, во время господства сезонныхъ сожителствъ, а въ иныхъ случаяхъ животнаго разврата, были истинными и вѣрными подругами своихъ мужей; которыя переносили и вынужденную разлуку (по необходимости служа въ разныхъ городахъ) чуть ли не по годамъ и жертвовали своимъ артистическимъ самолюбіемъ ради семейнаго принципа и все-таки были идеалами жены и помощницы мужа. Мнѣ лично извѣстно нѣсколько примѣровъ такихъ прекрасныхъ семейныхъ отношеній, преданныхъ другъ другу супруговъ и сохраняющихъ любовь и «вѣрность», не смотря ни на бѣды, ни на разлуку, ни на соблазны.

Неужели ради каждаго изъ этихъ праведниковъ не отпустятся проступки многихъ грѣшниковъ?

Говорятъ, что актеры и актрисы скверны; пусть тѣ, кто говоритъ, подумаетъ, много ли онъ насчитаетъ праведниковъ между тѣми, среди которыхъ онъ живетъ.

С. СВѢТЛОВЪ.

ХРОНИКА ТЕАТРА И ИСКУССТВА.

Слухи и вѣсти.

- Новый театр Л. Б. Яворской откроется 4 сентября.
- Оперный сезонъ въ „Новомъ лѣтнемъ театрѣ“ продолжится до 1-го сентября, затѣмъ будетъ драма.
- Труппа для Василеостровскаго театра почти сформирована. Въ нее вошли: г-жи Елагина, Нелидинская, Собѣсская, Сафонова, Трефилова, Виноградова, Волкова, Мясникова, гг. Левандовскій, Берсенева, Ермаковъ. Режиссеръ г. Бережной.
- Здоровье Д. В. Вольфа, какъ мы слышали, въ весьма печальномъ состояніи.
- Т. О., какъ намъ передаютъ, рѣшило выдавать постоянное пособіе извѣстному въ прежнее время актеру А. Любскому, живущему въ Ялтѣ.
- Какъ намъ сообщаютъ, послѣдній спектакль предъ закрытіемъ сезона въ Народномъ домѣ графини Паниной посѣтилъ г. Станиславскій, пріѣхавшій съ специальной цѣлью переговорить съ г-жей Паниной о предстоящемъ театральномъ залѣ для филиальнаго отдѣленія московскаго художественнаго театра.

— Въ нынѣшнемъ сезонѣ исполняется 40-лѣтіе сценической дѣятельности Е. А. Семеновой. Е. А. служила во многихъ провинціальныхъ городахъ. Сезонъ 1903—4 г. Е. А. служила въ труппѣ Народнаго дома графини Паниной и осталась въ этой труппѣ и на предстоящій сезонъ. По инициативѣ режиссера труппы г. Гайдебурова въ октябрѣ предполагается торжественное чествованіе уважаемой артистки.

— В. Н. Давыдовъ сообщилъ сотруднику „Од. Нов.“, что онъ рѣшилъ оставаться на сценѣ всего еще три года (до 1907 г.), а затѣмъ уйдетъ на покой. Этотъ годъ явится для артиста юбилейнымъ во многихъ отношеніяхъ: исполнится сорокалѣтіе его сценической дѣятельности, исполнится двадцатилѣтіе его профессорской дѣятельности и самому артисту исполнится 60 лѣтъ. По окончаніи службы на Александринской сценѣ, В. Н. Давыдовъ предприметъ, подъ собственнымъ управленіемъ, обширную прощальную поѣздку и посѣтитъ въ послѣдній разъ нѣкоторые крупные города.

— Ц. А. Кюи закончилъ новую одноактную оперу въ стилѣ „Мадмуазель Фифи“, название которой держится пока въ секретѣ.

— Въ пятницу, 23 іюля, праздновала 25-лѣтіе сценической дѣятельности небезызвѣстная въ провинціи артистка Е. А. Кудряцева.

— Составъ и репертуаръ Новой оперы князя А. А. Церетели въ театрѣ С.-Петербургской Консерваторіи вполнѣ опре-

дѣлились, и на-дняхъ откроется подписка на два абонементы. Женский персоналъ: солистка Е. В. Императора Австрійскаго Джемма Беллинчони, Н. Т. Ванъ-дербъ-Брандтъ, Э. А. Негринъ-Шмидтъ (колорат. сопр.), К. И. Брунъ, О. Н. Асланова (драм. сопр.), М. Н. Инсарова (лир. сопр.), Н. К. Акцери (лир.-колорат. сопр.), Е. Н. Горемыкина (лир.-драм. сопр.), Т. А. Фингертъ (меццо-сопр.), Р. Я. Карамзина-Жуковская, В. М. Добрянская, О. И. Одинцова, О. П. Сиренко, Е. П. Тихомирова (меццо-сопр. и контральто), Е. С. Бѣляева и Л. И. Любавина (2-я партіи). Мужской персоналъ: Солистъ Его Величества Н. Н. Фигнеръ, Л. М. Клементьевъ, Н. А. Большаковъ, І. С. Томарсъ, В. А. Селявинъ (тенора), О. И. Каміонскій, І. С. Виноградовъ, Я. М. Свѣтловъ, С. Е. Ильинъ, Р. А. Романовъ, Г. Н. Тучапскій (баритоны), А. П. Антоновскій, Л. М. Сибиряковъ, С. Д. Варягинъ, Г. П. Измайловъ (басы), Г. И. Внуковскій, А. И. Гавриловъ, А. С. Генаховъ, Б. И. Карповскій (2-я партіи).

Главнымъ капельмейстеромъ приглашенъ В. И. Сукъ, капельмейстеромъ Л. Фаціо, хормейстеромъ А. Кавалини, концертмейстеромъ М. И. Якобсонъ, режиссеромъ Д. А. Дума, помощникомъ его Д. Я. Гринбергъ. Хоръ состоитъ изъ 60 голосовъ, оркестръ изъ 50 инструментовъ. Балетъ подъ управленіемъ балетмейстера К. Бекефи, костюмы изъ новой артистической мастерской, новыя декорации собственной мастерской работы художниковъ И. А. Суворова и С. М. Эвенбаха. Свѣтовые эффекты электро-оптической мастерской въ Дрезденѣ.

Въ теченіе сезона будутъ вновь поставлены слѣдующія оперы, большинство которыхъ новинки, ни разу не появлявшіяся на сценѣ: „Черевички“—Чайковскаго, „Попугай“—Рубинштейна, „М-ле Фици“—Кюи, „Корделія“—Соловьева, „Горе отъ ума“ и „Каширская старина“—Иванова, „Сѣверная Звѣзда“—Мейербергера, „Гибель Фауста“—Берлиоза, „Эсклармонда“ и „Таисъ“—Массне, „Луиза“—Шарпантье и „Тоска“—Пуччини. Изъ стараго репертуара пойдутъ оперы Глинки, Рубинштейна, Чайковскаго, Римскаго-Корсакова, Гуно, Мейербергера, Россини, Обера, Верди, Делиба и Биза.

* * *

† А. Д. Бабичъ. 26-го іюня умеръ въ г. Харбинѣ Антонъ Дмитріевичъ Бабичъ... Умеръ тихій, незлобивый, глубоко симпатичный и милый товарищъ... Скромность и идеальная честность были отличительными чертами этого милого, добраго, способнаго подѣлиться послѣднимъ, человѣка.

Я зналъ его еще гимназистомъ; въ то время, въ нашей гимназій (житомірской) среди воспитанниковъ старшихъ классовъ образовался кружокъ любителей драматическаго искусства и А. Д., увлечшись театромъ, не окончилъ курса и пошелъ на сцену...

Помню, какъ я, будучи первоклассникомъ, сидя въ театрѣ, завидовалъ А. Д., игравшему маленькую роль лакея въ комедіи: „Любовь и предрасудокъ“ и мечталъ самъ современемъ стать актѣромъ.

Быть актѣромъ! Развѣ могло быть желаніе выше этого...

Прошли года и я самъ, уже служа на сценѣ, столкнулся съ Бабичемъ. Судьба то сводила насъ, то

опять разъединяла, но всё-таки, въ общей сложности, я прослужилъ вмѣстѣ съ нимъ восемь сезоновъ и имѣлъ возможность узнать и оцѣнить этого рѣдкаго, по своимъ душевнымъ качествамъ, человѣка.

А. Д. принадлежалъ къ числу „неудачниковъ“. Первое время онъ игралъ 2-хъ любовниковъ и, обладая голосомъ, пѣлъ небольшія партіи въ опереткахъ, но потомъ сразу какъ-то опустился и занялъ мѣсто среди незамѣтныхъ для публики тружениковъ сцены; покойный сталъ служить то въ качествѣ суфлера, то помощника режиссера, подчасъ черезъ силу работая и ускоряя свою кончину непосильнымъ трудомъ; въ послѣднее время, онъ страдалъ общимъ недомоганіемъ, но никто не слышалъ отъ него жалобъ.

Невозмутимость А. Д. порой насъ просто поражала: по дороге изъ Владивостока въ Харбинъ, у него украли всѣ его сбереженія—135 р. и на предложеніе товарищей обыскать подозрительнаго пассажира, бывшаго съ нимъ въ одномъ купѣ, онъ отвѣтилъ: „нѣтъ... не надо... а вдругъ у него ихъ нѣтъ... пусть“...

25-го іюня въ бенефисъ В. П. Вариной шла пьеса „Смерть и Жизнь“. А. Д. просуфлировалъ первый актъ, во второмъ

сыгралъ роль „Глубенція“, разгримировался съ тѣмъ, чтобы опять съѣсть суфлировать и вышелъ изъ театра.

Антрактъ между вторымъ и третьимъ актомъ и безъ того длинный, затянули еще больше... „Гдѣ Бабичъ? Куда онъ пропалъ?“ засуетились актѣры, не видя его въ суфлѣрской будкѣ...

Вдругъ, вбѣгаетъ рабочій китаецъ съ перепуганнымъ лицомъ, трясется и ломанымъ языкомъ докладываетъ: „Капитана тамъ Бабича лежи есть“...

— Гдѣ? вырвалось у насъ.

— Тамъ моя ходи садъ, смотри, Бабича у забора лежи есть и храни мало-мало..

Кинулись въ садъ, тамъ возлѣ отдѣлявшей театръ отъ сада огады, лежалъ А. Д., въ безсознательномъ состояніи.

Его сейчасъ-же перенесли въ квартиру, находящуюся тутъ-же въ саду, гдѣ онъ и скончался, не приходя въ сознание въ 7 ч. 15 м. утра.

Правая сторона была у него парализована, лѣвой рукой онъ то схватывалъ мою руку и прижималъ къ себѣ, то отталкивалъ, говорить ничего не могъ и только изрѣдка открывалъ глаза и уставивъ на насъ безсознательный взглядъ, шевелилъ губами, какъ-бы желая что-то сказать.

Сегодня мы предали землѣ тѣло дорогого Антона Дмитріевича, гробъ котораго провожала вся наша труппа...

На кладбищѣ, гдѣ похороненъ малорусскій артистъ Н. П. Галайда, въ далѣкой Маньчжуріи, прибавилась еще одна актѣрская могила...

Н. Хохловъ.

* * *

† Е. М. Рахимовъ. Ефимъ Михайловичъ Ганохоридзе, по сценѣ Рахимовъ, родился на Кавказѣ въ 1850 году и на 18-мъ году своей жизни посвятилъ себя сценѣ, на которой пробылъ до 1898 года, когда серьезно заболѣвъ, вынужденъ былъ сойти съ театральнаго подмостковъ. Умеръ Е. М. въ Одессѣ, гдѣ въ продолженіи послѣднихъ четырехъ лѣтъ находился на попеченіи родной сестры. За свою тридцатилѣтнюю сценическую дѣятельность Е. М. объѣздилъ положительно всю Россію.

Въ 1869 году служилъ въ Таганрогѣ на амплуа 2-хъ любовниковъ въ труппѣ Сарматей. Въ 80-хъ годахъ держалъ антрепризу въ г. Владимірѣ, а затѣмъ служилъ въ Москвѣ у М. В. Лентовскаго. Нѣсколько лѣтъ провель въ Одессѣ, куда прѣзжалъ съ труппами Милославскаго, Савиной и др. Покойный былъ женатъ на актрисѣ А. А. Александровой, понынѣ благополучно здравствующей и живущей въ „Убѣжищѣ для приставшихъ артистовъ“.

По отзывамъ лицъ, знавшихъ покойнаго, Е. М. олицетворялъ собой Геннадія Демьяновича Несчастливцева со всѣми его хорошими и дурными качествами. Благодаря тому, что онъ всю жизнь свою провель въ провинціи, въ Петербургѣ немногіе знаютъ покойнаго.

Всѣ, кто зналъ Е. М., сохранили о немъ самую лучшую память, какъ о прекрасномъ человѣкѣ и превосходномъ товарищѣ. Умеръ Е. М. на 55-мъ году.

М. Д.

* * *

Московскій вѣсти.

— На-дняхъ скончался меценатъ, истинный другъ артистовъ Ѳ. Ѳ. Котовъ. Ѳ. Ѳ. уже давно сошелъ съ театральнаго горизонта. Покойный всегда „поддерживалъ“ какое-нибудь театральное „предпріятіе“, живо интересуясь и всецѣло отдавая ему. Ему, между прочимъ, многимъ обязаны подмосковныя дачныя мѣстности. Ѳ. Ѳ.—первый, кто постарался поставить лѣтнія антрепризы на серьезную почву.

— Московская консерваторія въ ноябрѣ торжественно будетъ чествовать память А. Г. Рубинштейна. 10-лѣтіе со дня смерти покойнаго композитора исполняется 8-го ноября.

— Ближайшей новинкой труппы Х. І. Петросьяна будетъ „Красная мантия“. По словамъ газетъ, дѣла труппы плачевны.

— По слухамъ, въ театрѣ Солодовникова въ наступающемъ сезонѣ будетъ поставлена опера молодого итальянскаго композитора Орефиче „Шопенъ“. Сюжетъ заимствованъ изъ жизни Шопена, а музыка цѣликомъ выбрана изъ различныхъ его произведеній. Опера эта имѣла успѣхъ въ Варшавѣ.

— Приѣмъ прошеній поступающихъ въ московскую консерваторію въ этомъ году будетъ прекращенъ 20-го августа.

* * *

Дѣло г-жи Бренко съ г. Евдокимовымъ, о которомъ мы уже сообщали, все еще не можетъ придти къ окончанію. На послѣднемъ разборѣ у Мирового Судьи 21 іюля всѣ свидѣтели уже допрошены, постановленіе же рѣшенія отложено на нѣсколько дней.

На второмъ засѣданіи были допрошены новыя лица, преимущественно актѣры Народнаго Дома, вызванные г-жею Бренко.

По словамъ г-жи Б. въ одномъ Народномъ Домѣ ея бывшихъ учениковъ и ученицъ служить 13 человѣкъ (несчастливое число!), хотя, впрочемъ, истица добавила, что ни одинъ изъ нихъ полнаго курса у ней не окончилъ.

Опрошенные свидѣтели подтверждаютъ, что дѣйствительно пробыли у г-жи Б. по нѣсколькимъ мѣсяцевъ. Г-жа Лаврова училась 5 мѣсяцевъ и ушла потому, что поступила на сцену... въ балетъ. Г. Красовскій былъ 2½—3 мѣсяца и ушелъ, получивъ ангажементъ въ Народномъ Домѣ. Г-жа Никитина послѣ 8 мѣсяцевъ обученія ушла на службу въ Василеостровский театръ. Одинъ г. Велене пробылъ въ школѣ два года. Но онъ ее посѣщалъ въ качествѣ вольнослушателя. Последнее званіе нѣсколько удивило публику своей неопредѣленностью. Что это за вольнослушатели въ частной школѣ? Оказывается, что г-жа Б. именуется такъ тѣхъ,—отчасти любителей, отчасти профессионаловъ, которые являлись въ школу только для участія въ ученическихъ спектакляхъ. Среди 13 актеровъ попечительства, бывшихъ учениковъ г-жи Б., человекъ 6—7 такихъ „вольнослушателей“. Г. Велене показалъ, что школа принесла ему существенную пользу, т. е., конечно участіе въ спектакляхъ, а не преподаваніе г-жи Б., котораго онъ и не зналъ.

Весьма интересное показаніе далъ г. Шмитовъ, выступившій скорѣе въ качествѣ эксперта.

Подъ его режиссерствомъ трое изъ учениковъ г-жи Бренко—гг. Скарятинъ, Евдокимовъ и г-жа Никитина—начинали свою артистическую карьеру. Г. Шмитовъ показалъ, что всѣ три ученика при поступленіи въ Василеостровский театръ оказались весьма мало подготовленными, были, что называется совсѣмъ „зелеными актерами“ и добились извѣстнаго положенія на сценѣ, благодаря природнымъ дарованіямъ и собственной работѣ.

Остальные показанія свидѣтелей сводились къ тому, что преподаваніе велось въ школѣ достаточно небрежно.

Г. Красовскій и г-жа Лаврова показали, что преподаватели, кромѣ г-жи Б., вовсе не было, а само преподаваніе сводилось къ „чтенію“, да къ разучиванію ролей. Г-жа Никитина показала, что въ началѣ, когда школа только что открылась, преподаватели были, а потомъ перестали ходить.

Г. Велене, ходившій въ школу только по вечерамъ, сказалъ, что раза три,—въ два года,—онъ видѣлъ учителя фехтованія, но о преподаваніи ничего не знаетъ, т. к. „вольнослушатели“ на уроки не допускались. Въ заключительномъ словѣ г-жа Б. заявила, что снисходя къ просьбамъ г-на Е., который страшно нуждался во время обученія въ школѣ, она посрединѣ года послѣ Рождества перевела его изъ младшаго въ старшій классъ съ тѣмъ, чтобы онъ могъ скорѣе окончить курсъ и найти себѣ мѣсто. Надо замѣтить, что и въ старшемъ и въ младшемъ классѣ преподавала все та же единственная г-жа Б., а занимались и тутъ, и тамъ все тѣмъ же изученіемъ ролей. Къ сожалѣнію, на судъ не выяснилось, въ чемъ заключалась разница между младшимъ и старшимъ классами.

Г. Евдокимовъ объяснилъ, что до поступленія въ школу онъ имѣлъ небольшое дѣло, дававшее ему въ мѣсяцъ до 150 р., а по уходѣ отъ г-жи Б. поступилъ на сцену съ жалованьемъ въ 35 р. въ мѣсяцъ. Прельщенный рекламами г-жи Бренко, онъ бросилъ вѣрное дѣло, предполагая, что школа поможетъ ему сразу выдвинуться на сценѣ. Школа ничего ему не дала. Онъ потерялъ время, трудъ, деньги и... получилъ 35 р. вмѣсто 150!... Между прочимъ, отвѣтчикъ предложилъ одной изъ свидѣтельницъ такого рода вопросъ: „Не предлагала ли вамъ г-жа Б. выдать дипломъ ранѣе окончанія курса, если вы ей заплатите сразу 400 руб., слѣдующие за два года обученія?“

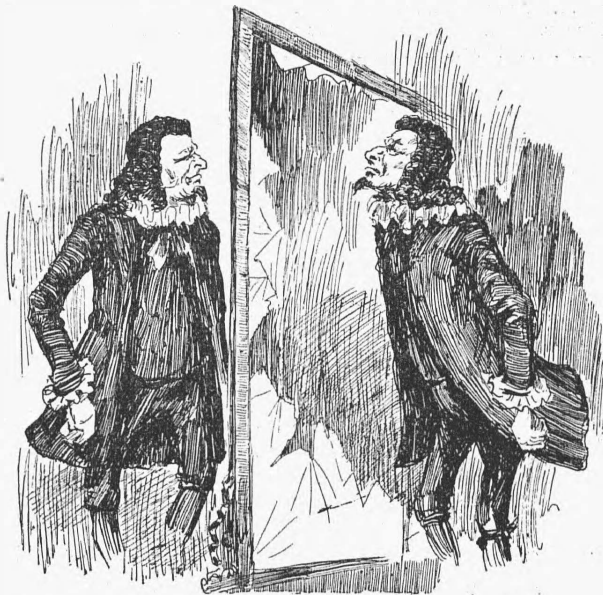
Свидѣтельница однако категорически отвѣтила:—„Нѣтъ, никогда ничего подобнаго не было“, Г-жа Бренко отнеслась къ вопросу равнодушно и въ дальнѣйшемъ судоговореніи его не касалась.

М. Дандевиль.

* * *

Новый лѣтній театръ. Изъ составившихся здѣсь въ послѣднее время спектаклей слѣдуетъ отмѣтить Мейерберовскаго „Роберта“ и „Отелло“ Верди. Для исполненія „Робертъ“ представляетъ большія трудности. Только грація, эта „красота въ движеніи“, какъ говоритъ Шиллеръ, можетъ возратить Мейерберовской композиціи утраченную для насъ прелесть оригинальности и новизны. Именно, этой граціи не было у исполнителей „Роберта“ въ лѣтнемъ театрѣ. Оперу выноситъ на своихъ плечахъ г. Боначичъ, и не потому, чтобы онъ безусловно удовлетворялъ идеалу, а благодаря своему большому голосу. Г. Боначичу неприходится затягивать темпы всевозможными „подходами“, онъ блистаетъ верхними сі и до. Поетъ г. Боначичъ очень музыкально. Въ общемъ впечатлѣніе бодрое, живое. Остальными исполнителямъ „Роберта“ приходилось насильствовать голоса. Г. Горюновъ—безцвѣтный Бертрамъ. Все время вы видите какую-то мрачную медленно двигающуюся тѣнь, слышите, какъ она изрекаетъ замогильнымъ голосомъ удивительно нелѣпныя рѣчи, сопровождаемая ихъ таинственными, несуразными жестами. Г-жа Львовская, съ усиліями преодолеваетъ партію простодушной крестьяночки Алисы. Въ борьбѣ съ высокой тесситурой партіи г-жа Львовская забываетъ о необходимости драматической игры на сценѣ. Неудалась также г-жѣ Антоновой колоратурная партія Изабеллы. Фигуры подобныхъ партій звучали на этотъ разъ тѣлоносно. Блѣдно

ТЕАТРЪ „БУФФЪ“.

Г. Рутковскій.

Г. Полонскій.

„Важная персона“.

провелъ роль Рембо г. Колотовъ, хотя свою балладу онъ спѣлъ музыкально, обнаруживъ крошечный, но очень пріятный голосокъ. Таковы минусы исполненія „Роберта“ въ Лѣтнемъ театрѣ. Нѣсколько оживляла спектакль г-жа Преображенская, приглашенная для танцевъ въ роли Елены въ 4 актѣ. Въ заключеніе нѣсколько словъ о купюрахъ. Онѣ носятъ совершенно случайный характеръ. Урѣзаны красивые номера и оставлены болѣе чѣмъ посредственные. Напримѣръ урѣзана баллада Рембо и оставленъ цѣликомъ монологъ Алисы на кладбищѣ...

„Отелло“ поставили въ бенефисъ г. Фигнера. Это, конечно, придало извѣстную торжественность спектаклю. Но театръ былъ не полонъ. Въ сценическомъ отношеніи г. Фигнеръ остался тѣмъ же опытнымъ серьезнымъ артистомъ. Г. Фигнеръ большой мастеръ эффектовъ, но эффектовъ однообразныхъ. Что касается вокальной стороны, то „время положило“ и т. д. Впрочемъ, ко второй половинѣ оперы артистъ уже „распѣлся“. Хорошій Яго г. Виноградовъ. Роль разработана у артиста детально. Голосъ звучитъ великолепно. Даже въ дикціи г. Виноградовъ сдѣлалъ замѣтные успѣхи.

Подтянулась на этотъ разъ и г-жа Радица въ роли Дездемоны. Голосокъ ея звучалъ недурно.

Изъ исполнителей вторыхъ партій слѣдуетъ похвалить г-жу Платонову (Эмилию) и упрекнуть гг. Измайлова и Цимермана. Оба артиста слишкомъ небрежно отнеслись къ дѣлу.

Дирижировалъ оперой г. Куперъ толково и старательно. Жаль, что онъ чувствуетъ такое пристрастіе къ мѣдной группѣ. Ревъ тромбоновъ прямо-таки изводитъ слушателей первыхъ рядовъ. Каково же артистамъ, должествующимъ перебивать этотъ ревъ.

М. Пестерова.

* * *

Театръ „Буффъ“. Бенефисъ П. В. Тумпакова, состоявшійся во вторникъ, 20-го іюля, прошелъ оживленно. Публики, конечно, было много и бенефицианта чествовали очень радушно. Послѣ второго акта „Обозрѣнія“ г. Тумпаковъ, окруженный артистами, хоромъ, балетомъ и служащими въ театрѣ появился на сценѣ. Оба оркестра—и садовый и театральны—заиграли тушъ. Режиссеръ труппы обратился къ бенефицианту съ пріветственнымъ словомъ, закончившимся подношеніемъ отъ труппы: по примѣру прошлыхъ лѣтъ артисты поднесли своему директору нѣкоторую сумму денегъ на капиталъ для учрежденія кровати въ Убѣжищѣ для престарѣлыхъ сценическихъ дѣтелей. Подношеній, вообще, было масса. Преобладали цѣнные вещи.

Спектакль составилъ изъ одного акта „Цыганскаго барона“, прошедшаго довольно блѣдно, несмотря на участіе г-жи Шерпантьевъ и новаго обозрѣнія „Петербургъ въ „Буффъ““, разыграннаго довольно бойко. Впрочемъ, „Петербургъ въ „Буффъ““ обозрѣніемъ названъ по какому-то недоразумѣнію, это — фарсъ, разбавленный не особенно остроумными куплетами, почти неимѣющими никакого отношенія къ современнымъ злобамъ дня. Смѣшили публику г. Полонскій, которому пришлось, по волѣ автора, отсиживать въ шкафѣ. Во второмъ актѣ, на маскарадѣ, очень мило пропѣла нѣсколько номеровъ г-жа Раисова. Отмѣчу еще г. Рутковскаго, лихо отплясывавшаго лезгинку. Вотъ и все, что можно отмѣтить въ новомъ

обозрѣній, авторомъ котораго является все тотъ же г. Валентиновъ, написавшій уже съ десятокъ разныхъ обозрѣній и пародій. Отмѣчу кстати, что г. Валентиновъ авторъ много слабѣе г. Валентинова-куплетиста. Куплеты г. Валентиновъ читаетъ дѣйствительно прекрасно.

* * *

Павловскій вокзалъ. Бенефисъ второго дирижера здѣшняго симфоническаго оркестра г-на Земанека, состоялся въ субботу, 17 июля, и привлекъ многочисленную публику.

Павловскій вокзалъ.

Фр. Ондричекъ.

Бенефициантъ, по примѣру всѣхъ дирижеровъ, удѣлил себѣ въ программѣ минимальную роль. Подъ его управленіемъ оркестръ сыгралъ только увертюру къ „Моряку-Скитальцу“ Вагнера да сюиту Чайковскаго изъ балета „Щелкунчикъ“. Вообще же программа вслѣдствіе обилія солистовъ была неимоверна длинна. Г. Земанекъ былъ не въ ударѣ. Сравнительно лучшее впечатлѣніе осталось лишь отъ увертюры къ „Моряку-Скитальцу“. Зато граціозная сюита Чайковскаго произвела въ исполненіи г. Земанека впечатлѣніе скучное, дрябло-меланхолическое. Нестроично велъ оркестръ г. Земанекъ и въ томъ случаѣ, когда ему приходилось аккомпанировать. Г. Рейзенауэру пришлось, сидя за роялемъ, самому вступить въ руководство оркестромъ.

Недочеты оркестрового исполненія были вполне сглажены солистами. Блестяще, съ порывомъ истинно-художественнаго вдохновенія, сыгралъ г. Рейзенауэръ es-dur-ный концертъ Листа; Чувствовалось гармоничнѣйшее сліяніе духа произведенія съ его формой, техникой. Кто-то изъ публики замѣтилъ, что *такъ* вдохновенно г. Рейзенауэръ никогда не игралъ. Критика въ этотъ отзывъ можетъ ввести одну лишь поправку: замѣнить „никогда“ словомъ „рѣдко“. Даже произведенія Шопена удались на этотъ разъ г. Рейзенауэру прекрасно.

Шумный успѣхъ выпалъ и на долю г. Ондричека, поставившаго на программу скрипичный концертъ Эрнста „фантазія изъ оп. „Moïse“ Паганини.

Очаровалъ публику своимъ пѣніемъ баритонъ г. Джиральдони. Года два назадъ этотъ пѣвецъ выступалъ въ италіанской оперѣ г. Гвиди. Тогда онъ, очевидно, чувствовалъ себя нездоровымъ и немогъ проявить своихъ голосовыхъ средствъ въ полномъ блескѣ. Теперь передъ нами былъ артистъ съ большимъ красивымъ голосомъ, во всеоружіи прекрасной школы. Между прочимъ арія изъ „Демона“ и романсъ Гота „Дитя, твое милое имя“ были исполнены на русскомъ языкѣ.

Среди перечисленныхъ выдающихся артистовъ, какъ печальное недоразумѣніе, явилась артистка стокгольмской оперы г-жа Ревелле де-Берги, колоратурное сопрано. Голосъ пѣвицы тусклый и весьма ограниченнаго діапазона. Большинство высокихъ нотъ срываются, вызывая протестъ слушателей. Поетъ г-жа де-Берги грубовато.

М. Нестеровъ.

* * *

Театръ Немецки. Бенефисъ г. Грѣхова, состоявшійся 22 июля, прошелъ съ большимъ успѣхомъ. Аплодисменты, много различныхъ подношеній сопровождали каждый выходъ даровитаго артиста. Юморъ артиста несомнѣненъ. Для бенефиса были поставлены двѣ старыя оперетки „Женское царство“ и „Парижская жизнь“. Обѣ оперетки были разыграны прекрасно. Боль-

ПАВЛОВСКІЙ ВОКЗАЛЪ.

Ревелле де-Берги.

А. В. Велецкая.

шой успѣхъ выпалъ на долю Ризы Нордштремъ, которой пришлось по нѣскольку разъ повторять свои номера.

Отмѣтимъ еще г-жу Троцкую (Габріэлла) и г. Радомскаго (воздухоплаватель Фривольнъ). Театръ былъ полонъ:

А. В.

* * *

Тавричскій садъ. Драма Стебницкаго (Лѣскова) „Расточитель“, поставленная 20 іюня на сценѣ Таврическаго театра, прошла съ большимъ успѣхомъ. Несомнѣнно, что пьесы такого рода изъ русской бытовой жизни всегда будутъ интересны и понятны средней публикѣ Таврическаго театра.

Обстановка сцены и массовыя народныя движенія строго выдержаны.

Главную и трудную роль Молчанова г. Скарятинъ провелъ съ темпераментомъ. Публика за горячую сцену 3-го акта много апплодировала артисту, другая роль—Фирса Князева, не менѣе трудная, удалась г. Печорину. Хорошо былъ и Дробадовъ г. Девиль, г-жа Никитина естественно провела роль Марины Гусляровой. Благодарныя роли Минутки и городского головы Колокольцева въ исполненіи гг. Уварова и Сокольскаго сошли безвѣтно. Г. Вейнбергъ недуренъ былъ въ роли Челночка.

КЪ СЕЗОНУ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

Ардатовъ. Съ 1-го іюля въ помѣщеніи всесословнаго клуба начались спектакли товарищества драматическихъ артистовъ, подъ управленіемъ Б. А. Мирецкаго.

ПАВЛОВСКІЙ ВОКЗАЛЪ.

Ирма Зенгеръ-Зете.

Асхабадъ. Какъ сообщаетъ „Асхабадъ“, спектакль 7 іюля („Несчастіе кохання“) чуть не былъ отмѣненъ по винѣ гг. Ураловыхъ, передъ самымъ началомъ спектакля заявившихъ, что они примутъ участіе въ спектаклѣ только въ томъ случаѣ, если имъ будутъ уплачены слѣдующія имъ деньги. Сборъ былъ около 50 руб. Если отдать гг. Ураловымъ весь сборъ, то другіе артисты ничего не получили бы, и дирекція (малороссійская труппа г. Квитко) пришлось вмѣсто Ураловыхъ экспромтомъ выпустить другихъ артистовъ. „Поступокъ“ г. Уралова усугубляется еще тѣмъ, что г. Ураловъ состоитъ въ труппѣ режиссеромъ.

Баку. Опереточному артисту Полтавцеву, подвизавшемуся въ послѣднее время въ Баку, эмиромъ бухарскимъ пожалована серебряная Бухарская звѣзда.

Воронежъ. Намъ пишутъ о слѣдующемъ инцидентѣ 19 іюля въ театрѣ сада Семейнаго собранія въ малорусской труппѣ, подъ распорядительствомъ г. Ванченко и режиссерствомъ г. Оршанова-Лучицкаго, во время репетиціи на сценѣ произошла ссора между артистами К. и Г., перешедшая потомъ въ драку. Распорядитель г. Ванченко и режиссеръ преспокойно наблюдали эту сцену. Нѣкоторые изъ хористовъ обратились къ режиссеру г. Оршанову, какъ хозяину сцены, съ просьбой остановить этотъ скандалъ, но онъ только иронически улыбулся и сталъ наблюдать финалъ „мордобитія“, тогда какъ г. Ванченко счелъ благоразумнымъ удалиться въ свою уборную.

Навпасскія минеральныя воды. На-дняхъ въ Эссентукахъ устроенъ былъ литературно-музыкальный вечеръ для образованія фонда на учрежденіе въ новомъ зданіи санаторіи ком-

нать имени А. П. Чехова для больных литераторовъ и артистовъ. Въ вечеръ приняли участіе находящіеся на кавказскихъ курортахъ артисты московскихъ и петербургскихъ театровъ. Вечеръ далъ сбора около 1,500 руб.

— „Магъ и чародѣй“ г. Форкатти встрѣтилъ опаснаго конкурента въ лицѣ новаго „увеселителя“, антрепренера г. Шульца. „Въ то время, какъ г. Форкатти, читаемъ въ „Вак. Изв.“, устраиваетъ въ Кисловодскѣ „праздникъ декаденства или конкурсъ дамскихъ шляпъ“, „всемогушій Шульцъ рѣшается на отчаянное средство—танцуетъ въ Пятигорскѣ съ Фанней Владиміровной Капланъ „модный“ кэкъ-уокъ!..

Участіе „въ первый разъ“ и „только одинъ разъ“ самого директора опереточной труппы Владиміра Николаевича Шульца въ „Нашихъ этюдахъ“, въ роли „Коко Баклушина“, дѣлаетъ полный сборъ, несравненно большій, чѣмъ „парадные спектакли“.

Очевидно, дирекція минеральныхъ водъ видитъ въ этомъ разухабистомъ канканѣ, столь ею поощряемомъ, одно изъ самыхъ положительныхъ и дѣйствительныхъ средствъ для леченія больныхъ.

„Въ самомъ дѣлѣ, продолжаетъ та же газета, не успѣлъ еще директоръ водъ провозгласить открытіе сезона „на пятигорской группѣ“, какъ у самого „цвѣтника“ въ центрѣ курорта открылся шато-кабакъ „Вестфаль“ съ открытою сценою... такой же шантанъ пріютился и въ казенномъ саду“. Не житье, а малина...“

† Ю. И. Иогансонъ.

(См. № 29).

Мариуполь. Концертный залъ Уварова на 5 зимнихъ сезоновъ перешелъ въ арендное содержаніе города, считая сезонъ съ 1-го октября по великій постъ. Остальное время года театръ остается въ личномъ пользованіи Уварова. Условія аренды 2000 р. въ сезонъ.

Минскъ. Трогательное единеніе... Въ „Сѣвер.-Зап. Сл.“ читаемъ: „Какъ особенность гастрольнаго спектакля артиста Императорскихъ театровъ М. В. Дальскаго, необходимо отмѣтитъ состоявшійся послѣ окончанія драмы „дивертисментъ кафе-шантаннхъ артистовъ дирекціи А. Ф. Швама“.

Н.-Новгородъ. Д. И. Басмановъ предполагаетъ съ 1-го августа давать драматическіе спектакли въ городскомъ театрѣ съ особымъ составомъ труппы, очевидно сформированнымъ спеціально для ярмарочныхъ увеселеній.

— Съ 15-го іюля въ ярмарочномъ саду „Фоли-Бержеръ“ открылись опереточные спектакли. Въ составъ опереточной труппы входятъ: г-жи Клара Грекъ, Попова, Тонская, Чарновская, Калашникова, гг. Форесто, Орловъ, Чаровъ, Николаевъ-Маминъ, Поповъ, Гербовъ, Дубровскій и Звягинцевъ.

Одесса. Товарищество артистовъ Спб. Императорскихъ театровъ за 7 спектаклей взяло 6,700 р., что составляетъ по 955 р. на кругъ, „Вопросъ“ далъ 1,178 р., „Свадьба Кречинскаго“ 1,080 р., „Вишневый садъ“ 1,555 р., „Денежные тузы“ 665 р., „Вишневый садъ“ (во 2-й разъ) 660 р., „Дѣло“ 488 р. и „Сверхъ комплекта“ 900 р. Получена изрядная прибыль. В. Н. Давыдовъ была поднесена на послѣднемъ спектаклѣ картина съ надписью: „Большому артисту-художнику“.

— Въ непродолжительномъ времени на М. Фонтанѣ, на вновь устроенной сценѣ начнутся спектакли русской драматической труппы подъ управленіемъ М. И. Чигиринскаго.

— В. Рамазановъ письмомъ въ редакцію опровергаетъ сообщеніе „Од. Нов.“, будто бы на Большомъ Фонтанѣ имъ понесенъ дефицитъ. „Взято мною, заявляетъ г. Рамазановъ по

160 р. на кругъ, всего было дано 9 спектаклей. Труппа и театръ стоятъ мнѣ отъ спектакля 125 руб., значить, я отъ каждаго спектакля былъ въ прибыли по 35 р., а за 9 спектаклей 315 руб. Изъ этого ясно, что дефицита быть не могло. Дѣло я по прежнему продолжаю“.

Самара. Вопросъ объ антрепризѣ городского театра на предстоящій сезонъ вступилъ въ новую стадію. Въ заведеніи театральной комиссіи 19 іюля признано возможнымъ нарушить контрактъ съ В. П. Алмазовой, причемъ постановлено телеграфировать П. П. Струйскому, — согласенъ ли онъ взять театръ на „одинъ сезонъ“ и г. Звѣздичу о томъ, — будетъ ли, въ случаѣ оставленія театра за нимъ, имъ приглашена труппа, составленная для г. Самары г-жей Алмазовой, въ виду того, что Р. Т. О. проситъ чтобы собранная для Самары г-жей Алмазовой труппа не осталась безъ дѣла.

Старая-Русса. На-дняхъ начались спектакли съ участіемъ артистки московскаго Художественнаго театра г-жи Андреевой.

Въ настоящее время здѣсь гоститъ М. Горькій. Кстати, на афишѣ о бенефисѣ г. Михайловскаго („Мѣщане“) было сказано, что пьеса ставится подъ личнымъ надбоденіемъ автора.

Умань. 13-го іюля во время спектакля въ городскомъ театрѣ чуть не случилась катастрофа. Подростку, сидѣвшему рядомъ со своей матерью, стало дурно. „Воды, воды!“ — стала просить пришедшая въ бозпокойство мать. Поднялся невообразимая суматоха. Крики: „пожаръ, горимъ“, стоны, плачь, трескъ отъ ломившихся стульевъ, гулъ, стукотня — все соединилось вмѣстѣ, распространяя страшную панику. Весь театръ, вся галлерей, балконъ превратился въ стихійную массу. Люди обезумѣли, желая скорѣе прорваться къ главному выходу, немилосердно топтали другъ друга, давили своей тяжестью, толкали. Съ нѣкоторыми случились истерическіе припадки. Было нѣсколько случаевъ обморока.

Полный сборъ въ театрѣ, очевидно, соблазнилъ любителей легкой наживы. Полагая, что весь сборъ находится у распорядителя драматическаго товарищества И. В. Пельтцера, они пытались проникнуть въ его квартиру ночью, но были своевременно обнаружены и разбѣжались.

Теодосія. О крахѣ труппы г. Крамеса у насъ сообщалось въ № 29.

Вотъ нѣкоторыя подробности: всего за весь сезонъ — два мѣсяца — должно было быть 32 спектакля, но состоялось лишь 30, — два спектакля были отмѣнены за отсутствіемъ сбора. Всего взято за это время, считая арендную плату съ случайныхъ гастрольныхъ труппъ, 3,000 руб., т. е. на кругъ взято по 100 р. со спектакля. Бюджетъ же былъ составленъ такой, что надо было брать по 130 рублей на кругъ, такъ что въ общемъ убытка около 600 рублей. Само собой разумѣется, что за свой трудъ шесть человѣкъ дирекціи не получили ни одной копѣйки. Что же касается труппы, состоящей изъ 15 человѣкъ, съ общимъ окладомъ въ 850 руб. въ мѣсяцъ, то они отчасти удовлетворены наличными, а отчасти денежными обязательствами.

Любители совмѣстно съ артистами бывшей Крамесовской труппы поставили на-дняхъ въ концертномъ залѣ спектакль, сборъ съ котораго поступилъ въ пользу артистовъ на выѣздъ.

ПАМЯТИ ЧЕХОВА.

Мы получили слѣдующее письмо:

„Мысль, высказанная въ журналѣ „Театръ и Искусство“, относительно учрежденія стипендіи имени А. П. Чехова, глубоко симпатична, и я увѣренъ, что сценическіе дѣятели горячо откликнутся на нее. Мы съ радостью станемъ собирать лепту на указанную цѣль. А. П. Чехова мы глубоко почитали и искренно любили. И врядъ ли я ошибусь, если скажу, что никого изъ драматурговъ актеры такъ сердечно не любили, какъ А. П. Чехова. Что-то близкое, кровное мы находили для себя въ его произведеніяхъ, полныхъ безысходной тоски и томленія по лучшей радостной жизни. Вѣдь и въ насъ неустроенныхъ, надорванныхъ, съ бродячими наклонностями къ свободѣ, не зная на все наше внѣшнее напускное веселье и ухарство, въ концѣ концовъ таится глубокая скорбь... Оно и понятно. Общество на сцену выдѣляетъ изъ своей среды все нервное, болѣзненно-самолюбивое, неудовлетворенное, стремящееся къ свободѣ и поискамъ идеаловъ для того же Общества.“

Развѣ не лежитъ на актерѣ изъ „Дна“ Горькаго эта роковая печать надорванности и неудовлетворенности?

Не Настѣ, читающей французскіе романы, не Барону, не Сатину съ его гимномъ *человѣку* и не философу — Лукѣ, а „актеру“ Горькій поручилъ простонать:

„Господа, если къ правдѣ святой
„Миръ дорогу найти не сѣмѣтъ,—
„Честъ безумцу, который навѣтъ
„Человѣчеству сонъ золотой!..“

Чеховъ угасъ... я не сомнѣваюсь, что актеры пожелаютъ увѣковѣчить имя дорогаго писателя, съ которымъ мы сливались въ одномъ общемъ страданіи *человѣчества*.

В. Никулминъ.

МАЛЕНЬКАЯ ХРОНИКА.

*** П. Д. Боборыкинъ въ двухъ-трехъ номерахъ „Рус. Вѣдом.“ помѣстилъ свои воспоминанія объ А. Г. Рубинштейнѣ, подъ общимъ заголовкомъ „Mélodie en fa“. Воспоминанія П. Д. Боборыкина полны интереса. Почтенный писатель былъ большой поклонникъ А. Г. „У толпы меломановъ, пишетъ онъ,—другіе кумиры: но у толпы друзей музыки, у тѣхъ, кто знавалъ игру Рубинштейна въ высшій расцвѣтъ его таланта, память о немъ умереть только вмѣстѣ съ ними самими“.

Общее заключеніе объ А. Г. Рубинштейнѣ П. Д. Боборыкинъ даетъ такое:

„Да, все, что у Рубинштейна выливалось на тему „цѣны жизни“, носило несомнѣнную окраску пессимизма. И въ этой горечи виновато, вѣроятно, не одно природное расположение его психики, а также и то, что онъ, какъ русскій, долженъ былъ испытать на своемъ вѣку. Душою онъ былъ всегда преданъ своему отечеству; но и онъ, несмотря на всѣ свои успѣхи и отличія, чувствовалъ, что его все-таки считаютъ инородцемъ, что вкоренившись въ наше общество расовая нетерпимость распространяется и на него. Это—не предположеніе, а подмкнутое его чувства и мысли. Задолго до тѣхъ скандальныхъ выходокъ печати, которыя омрачили его юбилейное торжество, до наускиванія за его „жидовское“ происхождение онъ говаривалъ при мнѣ:

— Вотъ и подите! Кажется, я люблю Россію и служу ей, какъ только могу. Я — православный, я — русскій дворянинъ, дѣтей своихъ воспитываю въ Россіи, не желаю никуда переселиться. Но я — не свой. Я это чувствую всегда и во всемъ!“

Однако, нѣсколько ниже, самъ г. Боборыкинъ говоритъ о постыдной выходкѣ, которую, къ чести русской прессы, пустила только *одна* газета“. Хотя газета, на которую намекаетъ г. Боборыкинъ, была въ то время „талмудомъ“ средней интеллигенціи—все же отъ „выходокъ“ этой газеты до „расовой нетерпимости“—далеко. Подъ конецъ дней своихъ А. Г. мечталъ объ оперѣ на сюжетъ нынѣшняго романа г. Мережковского „Петръ и Алексѣй“, и все никакъ не могъ дожидаться либреттиста.

*** 19 июля уѣхала на Дальній Востокъ А. Д. Вьяльцева. Въ нѣкоторыхъ газетахъ, едвали кстати и умѣсто, издѣвались надъ намѣреніями г-жи Вьяльцевой поѣхать сестрой милосердія, припутывая сюда рекламу и злорядствуя надъ тѣмъ, будто бы ей было въ дозволении отказано. То обстоятельство, что г-жа Вьяльцева отправилась, доказываетъ, что у нея есть пропускъ. А вообще, злорядство и обвиненіе въ рекламѣ здѣсь не причемъ. Надо удивляться безцеремонности, съ которою нѣкоторые господа позволяютъ себѣ обращаться съ женщиною только потому, что она актриса. Нехорошо!

По поводу того же читаемъ въ одной газетѣ: „Дива“, такъ много и часто увлекавшая другихъ, въ свою очередь пылко увлеклась однимъ „высокимъ статнымъ“ молодымъ человѣкомъ, большимъ поклонникомъ всѣхъ дамъ вообще, но въ особенности „пиковой“. Вдругъ было получено извѣстіе о томъ, что „милый“ раненъ или сильно боленъ: А. Д. Вьяльцева уѣхала къ „нему“, въ незнакомыя дальнія страны, чтобы ухаживать и баюкать „чарующей лаской своей“ дорогого больного“.

Такъ принято „внѣдряться въ частную жизнь“ артистовъ... Совсѣмъ страница изъ парижскаго „Gie Blas'a“... Если бы это касалось частнаго лица, это была бы диффамация, но когда разоблачаются „альковныя тайны“ артистки, это сенсационная новость, можетъ быть реклама—Chi lo sa?

*** Въ Борисоглѣбскѣ, въ бенефисъ г. Помпа-Лирскаго представлена была „Тайна Нельской башни“. Бенефициантъ разослалъ по Борисоглѣбску довольно подробный „анонсъ-либретто“, весьма поучительное и еще болѣе назидательное для публики. Вотъ, напр., что тамъ читаемъ:

„Сюжетъ пьесы заключается въ томъ, что мать Маргарита, будучи *двухушкой* (sic!) *родила двухъ сыновей—близнецовъ*, бросила ихъ тайно и не зная о ихъ существованіи, думаетъ, что они умерли; межъ тѣмъ одинъ сынъ служить у ея мужа тѣлохранителемъ и думаетъ съ нимъ сойтись (?) и жить, *такъ какъ мужа не любить*, а другого она предаётъ смерти послѣ 20 лѣтъ, не зная, что онъ ея сынъ, когда онъ попадаетъ къ ней въ башню разврата“.

Остальная часть „либретто“ — въ такомъ же родѣ. Богъ знаетъ что такое!

*** Въ № 228 „Харб. Вѣстн.“ въ особомъ анонсѣ г-жа Сѣверская-Сигулина, недавно начавшая спектакли въ новомъ народномъ театрѣ, высказываетъ свое *profession de foi*. Она мечтаетъ объ устройствѣ общедоступнаго народнаго театра съ „серьезнымъ“ репертуаромъ, гдѣ могъ бы человѣкъ съ ограниченными средствами провести вечеръ съ семьей, не краснѣя (!) за сюжетъ и содержаніе пьесы. „Она стремится приноровиться къ эстетическимъ вкусамъ интеллигенціи и *нравственной потребности средняго сословія*“. Какъ понимаетъ г-жа Сѣверская-Сигулина „нравственныя потребности средняго сословія“, лучше всего показываетъ объявленный ею репертуаръ: „Кавалерійская атака“, „Мамаево побоище“, „Война Японіи съ Россіей“,

„Прекрасная Елена“, „Нитушъ“, „Красное солнышко“ и др. „Принаравливаясь къ эстетическимъ вкусамъ интеллигенціи“, „не краснѣя за сюжетъ“, г-жа Сѣверская-Сигулина устраиваетъ гулянія со спеціальными для семейной публики номерами. Вотъ образчикъ такого „номера“: „русскіе гимнасты, братья Колокольцовы исполняютъ номера воздушной и половой (?) гимнастики“...

Поздравляя предприимчивую директрису съ „новой гимнастикой“, отмѣчаемъ, что „для выздоравливающихъ раненыхъ солдатиковъ“ устроены бесплатныя мѣста на балконѣ по 25 билетовъ на каждый спектакль, причемъ эти билеты получаютъ „лично отъ антрепренерши, дабы вечеромъ при стеченіи публики не утомлять раненыхъ ожиданіемъ выдачи билета“.

Гуманно...

А вотъ еще маленькая иллюстрація къ „просвѣтительной“ дѣятельности г-жи Сѣверской-Сигулиной. Въ анонсѣ о пьесѣ „Сожженная Москва“ доводится до свѣдѣнія публики, что въ 3-мъ дѣйствіи „изъ оконъ кремлевскаго дворца будетъ виденъ пожаръ горящей Москвы и слышенъ трескъ стеколъ, лопающихся отъ жара“. Но, къ несчастью, „эффектъ“, на который возлагалось столько надежды, не удался: по чьей-то винѣ и громъ и молнія запоздали...

Такова „просвѣтительная“ дѣятельность новаго „народнаго“ театра.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М г. Въ № 29 Вашего уважаемаго журнала помѣщено письмо г. Туношенскаго, въ которомъ между прочимъ сказано, что черезъ двѣ недѣли послѣ предложенія г-жи Погодиной „во время обѣда у Куба, ко мнѣ подошелъ Пав. П. Вейнбергъ и предложилъ написать съ нимъ вмѣстѣ пьесу на историческую тему для Народнаго Дома“...

Считаю долгомъ разъяснить слѣдующее: очевидно, г. Туношенскій, уже подготовленный г-жей Погодиной, принялъ мои слова относительно исторической пьесы за официальное предложеніе Народнаго Дома, на основаніи чего и сдѣлалъ нашъ интимный разговоръ достояніемъ печати... Я лично не уполномочивалъ г. Туношенскаго разсказывать въ письмахъ г. Алексѣеву о моемъ *частномъ* предложеніи, поставленномъ въ полнѣйшую независимость „отъ времени и гонора“... Мы бесѣдовали *предположительно*, а не официально и я въ правѣ удивляться, что мое имя фигурируетъ въ этомъ инцидентѣ. Поневоля приходится на умъ фраза: „держи языкъ за зубами“...

Спустя нѣсколько дней послѣ обѣда у Куба, „на которомъ присутствовали Марсель Прево и Капюсъ“, г. Туношенскій прислалъ мнѣ письмо, прося назначить ему день, часъ и мѣсто, гдѣ бы можно было поговорить подробно о задуманной нами (а не Народнымъ Домомъ) пьесѣ „Екатерины II-й“. Я назначилъ, но г. Туношенскій не явился и вслѣдъ за тѣмъ написалъ мнѣ еще письмо, въ которомъ отказался отъ сотрудничества со мной на томъ основаніи, что г. Алексѣевъ предложилъ ему самостоятельную работу и на иную тему.

Теперь является вопросъ: могли ли я предлагать для Народнаго Дома пьесу „Екатерину II“, зная, что Народный Домъ хочетъ заказать пьесу „Суворовъ“, въ настоящее время уже написанную г. Дандевилемъ и принятую къ постановкѣ? Повторяю, нашъ разговоръ у Куба былъ не официальнымъ и „безгонорарнымъ“. Я хотѣлъ прежде всего обсудить художественную сторону пьесы, потомъ написать еѣ совмѣстно съ г. Туношенскимъ и *предложить* Народному Дому для постановки. Отказываясь понять, причемъ я во всей этой исторіи?

Такъ какъ г. Туношенскій считаетъ меня участникомъ „обстоятельствъ“, при которыхъ ему была заказана г. Алексѣевымъ пьеса, то я продолжу свое участіе до конца и подивлюсь еще одному „обстоятельству“:

Г. Туношенскій пишетъ между прочимъ: „Для меня открыты двери болѣе литературныхъ театровъ и мнѣ не было смысла и *никакого интереса* отдавать свой трудъ на судъ и конкурсъ лицъ, которыхъ я не считаю ни съ какой стороны для себя авторитетами. Не я пришелъ съ предложеніемъ къ г. Алексѣеву, а онъ ко мнѣ. И если я пошелъ на встрѣчу, то только имѣя въ виду гонораръ“...

Странно, что г. Туношенскій съ такой готовностью согласился писать вмѣстѣ со мной пьесу спеціально для Народнаго Дома, заведомо не вѣря въ авторитетъ его представителей. Слово нѣтъ, гонораръ хорошая вещь, но настоячивость, съ которою г. Туношенскій все время толкуетъ о гонорарѣ, наводитъ на мысль о томъ, что либо онъ очень нуждается въ гонорарѣ, несмотря на гостепріимство „другихъ болѣе литературныхъ театровъ“, либо вообще, едва ли что способно видѣть, кромѣ гонора. Черта изъ жизни драматурга...

Прим. и пр. Павелъ Вейнбергъ.

М. г. Въ качествѣ уполномоченнаго Совѣта Императорскаго Русскаго Театральнаго Общества считаю нужнымъ по поводу письма г-жи Ланиной-Пиозерской сказать нѣсколько словъ. Выдать г-жѣ Ланиной назначенное Совѣтомъ пособие поручено было мнѣ. Я, пріявъ къ г-жѣ Ланиной, объяснилъ ей, что пособие ей можетъ быть выдано только при томъ условіи, если она состоитъ членомъ О-ва за 1903 г., на что она мнѣ заявила, что, кажется, она сдѣлала этотъ взносъ и стала искать членскій билетъ; не найдя его, она сдѣлала предположеніе, что ошиблась, поэтому оставивъ ей деньги, я просилъ ее въ случаѣ если билетъ отыщется, прислать его мнѣ, для полученія обратно за него деньги.

Такимъ образомъ для меня письмо г-жи Ланиной явилось большой неожиданностью и я до сихъ поръ не понимаю, почему она не обратилась непосредственно ко мнѣ (я живу почти рядомъ съ нею), а предпочла набрасывать тѣнь на учрежденіе, которое по отношенію къ ней несомнѣнно руководилось наилучшими побужденіями и въ предѣлахъ наличныхъ средствъ стремилось придти на помощь просительницѣ. На сколько такая маленькая канцелярская ошибка заслуживала такого нареканія — предоставляю судить читателю.

Уполномоченный Императорскаго Русскаго
Театральнаго Общества В. Ф. Ромашковъ.

М. г. Авторъ корреспонденціи изъ Екатеринодара, помѣщенной въ № 28 Вашего уважаемаго журнала, находитъ, что „г-жа Ильнарская почему-то не докончила сезона“. Это совершенно невѣрно. Сезонъ окончился 5-го іюля, я уѣхала 6-го, сыгравъ въ теченіе послѣдняго мѣсяца 25 разъ. Въ послѣднихъ двухъ пьесахъ я не была занята, но отсюда не слѣдуетъ, что я не продолжала своей службы.

Прим. и пр. В. Н. Ильнарская.

Ессентуки 16-го іюля.

ЦѢНА ТАЛАНТА.

(Похороны Чехова).

Въ покойнаго не было обидно. Прекрасная, необыкновенная похоронъ!.. Грандіозное шествіе черезъ всю Москву, продолжавшееся болѣе четырехъ часовъ; грандіозный хоръ, неумолка пѣвшій „Святый Боже!“ Безчисленные, изумительные по красотѣ и богатству вѣнки, букеты и корзины цвѣтовъ, которыми осыпали гробъ на Николаевскомъ вокзалѣ и около Художественнаго театра.

Интереснѣйшее зрѣлище на улицахъ, ближайшихъ къ Николаевскому вокзалу, гдѣ густо заселяющій эти улицы мастеровой и рабочей народъ безмолвно стоялъ по обѣимъ сторонамъ, толпился у открытыхъ оконъ во всѣхъ этажахъ, пока торжественная процессія тихо проходила мимо. Толпы на всѣхъ перекресткахъ. Огромная толпа въ Газетномъ переулкѣ около Художественнаго театра. Вотъ шествіе на Пречистенкѣ. Я оглянулся... Удивительно красиво!.. Тихо движущаяся черная густая толпа, тихо колышущаяся надъ ней гробъ, на крышкѣ котораго точно сѣнь изъ бѣлыхъ вѣнковъ и цвѣтовъ, и въ глубинѣ золотыя главы Кремлевскихъ соборовъ на фонѣ темной тучи, скопившейся изъ бродившихъ съ утра по небу облаковъ. Вотъ и „послѣдній пріютъ“ — одинъ изъ самыхъ красивыхъ и оригинальныхъ Московскихъ монастырей, за вычурными колокольней, главами соборовъ и верхушками башенъ котораго темнѣютъ зеленыя Воробьевы горы. И здѣсь толпа, очевидно ждавшая съ утра, снаружи вдоль стѣнъ, около воротъ, на кладбищѣ, и особенно густая кругомъ могилы. Въ скромномъ отдаленномъ мѣстѣ подъ развѣсистыми деревьями недалеко отъ какого-то монастырскаго зданія съ маленькими окнами и зубчатой стѣны по царски убранныя могила: стѣны ея до глубокаго дна густо сплошь покрыты зеленью и цвѣтами; бѣлыя звѣзды лилій, красныя пятна розъ такъ странно и непривычно мерцаютъ въ полусумракѣ могилы.

И когда комья земли посыпались и застучали о крышку гроба, когда сотни, можетъ быть тысячи голосовъ искренно и возбужденно повторяли „Вѣчную память“, нѣжные цвѣты смѣшались съ грубой землей... Пошелъ дождь... Потянулись черезъ головы толпы безконечныя вѣнки и густо покрыли могилу.

Красоту похоронъ не затемнили отдѣльные непріятные и, можетъ быть, неизбѣжные эпизоды: крики и давка около могилы, куда только съ большимъ усиліемъ удалось пронести гробъ, разрушеніе почти стертыхъ и испоптанныхъ сосѣднихъ могилъ, обычное обрываніе вѣнковъ и наконецъ „рѣчи“. Жажда зрѣлища, желаніе пофигуровать всегда скажется въ извѣстной части громадной толпы. Пусть на могилѣ говорилось кое-что нескладно, шаблонно, безцвѣтно, съ излишней истеричностью, все-таки въ основѣ и той жажды рѣчей, которая несомнѣнно владѣла толпой, и наивнаго требованія этихъ рѣчей нѣкоторыми ораторами, скрывалось, можетъ быть, исполнѣ

искреннее и хорошее чувство; можетъ быть, совершенно напрасно признанные корифеи, „вожди“, какъ ихъ называлъ кто-то изъ неизвѣстныхъ ораторовъ, отказались удовлетворить это чувство. Вѣдь и текстъ очень многихъ сочувственныхъ телеграммъ, надписей на вѣнкахъ могъ показаться претенціознымъ, вычурнымъ, придуманнымъ, но едва ли можно порицать желательность и искренность побудительнаго чувства, создавшаго обычай возлагать вѣнки и посылать телеграммы. Здѣсь только все тотъ-же неизмѣнный законъ, по которому почти всегда „мысль изрѣченная есть ложь“ и самое искреннее чувство выливается въ неискреннюю, нерѣдко отталкивающую форму. Важна общность чувства, общность настроенія, а сила того и другого какъ-то особенно сказывалась на похоронахъ Чехова. Особенно чувствовалась общая любовь, общая скорбь, общее желаніе какъ можно лучше почтить въ послѣдній разъ всѣмъ дорогого и близкаго... И все-таки, несмотря на красоту грандіозныхъ похоронъ, нельзя не замѣтить ихъ особенный характеръ. Кто хоронилъ Чехова?

Одинъ изъ ораторовъ въ своей рѣчи сказалъ, что мы видѣли здѣсь всѣхъ представителей русской интеллигенціи. А между тѣмъ, за исключеніемъ петербургской и московской думы, почти ни одно учрежденіе въ Россіи не сочло нужнымъ почтить такъ или иначе память крупнѣйшаго русскаго писателя. Увы, положеніемъ талантовъ, художниковъ у насъ все еще двусмысленно; въ нашей странѣ, все еще нѣтъ сознанія, что художникъ, талантъ не только „украшеніе жизни“, а можетъ быть основная пружина ея. Во время гибели „Петропавловска“ мнѣ пришлось проживать въ одномъ губернскомъ городѣ. Въ соборѣ была назначена торжественная заупокойная обѣдня и панихида. Присутствовали, конечно, всѣ мѣстныя власти въ полномъ парадѣ, огромная толпа народа. Поминали адмирала Макарова, іеромонаха Алексѣя, „воиновъ животовъ свой на брани положившихъ“, но не сочли нужнымъ помянуть художника Верещагина, а ужъ Верещагинъ ли не пользовался популярностью и славой, при этомъ несомнѣнно какъ „серьезный“ художникъ, ужъ имъ ли не гордилась одно время Россія, какъ мировымъ „апостоломъ мира“!

Въ истинно культурной странѣ должно быть прежде всего совершенно сознательное, серьезное отношеніе къ тому, что въ ней есть самаго крупнаго, высокаго, драгоцѣннаго. А таково именно искусство — творческое начало жизни, талантъ во всѣхъ его областяхъ. Разумъ, сознаніе — „человѣческое, слишкомъ человѣческое“, и только въ непосредственномъ, загадочномъ, лежащемъ внѣ и глубже сознанія — талантъ звучитъ божественное. Только талантъ открываетъ красоту, правду, загадку жизни и открываетъ ихъ путемъ глубокаго, интуитивнаго постиженія, а не путемъ сухихъ формулъ и догматовъ, которые будучи опредѣленно высказаны словомъ, согласно только разуму и сознанію, почти всегда являются ограниченными, узкими, даже пошлыми. Талантъ — первоисточникъ всего. Доставляя наслажденіе, не желая учить, онъ учитъ; не задаваясь утилитарными цѣлями, онъ вліяетъ на всѣ формы, на весь складъ жизни, даже можетъ быть въ ея мелочахъ, ибо вліяетъ непосредственно на самое глубокое, что заложено въ человѣкѣ. Жизнь не только была бы безконечно сѣра и тускла, если бы не было талантовъ, но можетъ быть не было бы и лучшихъ формъ ея и возможности ихъ прогрессивнаго улучшенія. И вотъ, какъ въ Крыловской баснѣ, мы пользуемся желудами и не заботимся объ ихъ первоисточникѣ. Мало того, мы вѣдь все еще дѣйствительно подрываемъ его корни. Даже признавая искусство, мы стараемся принизить его, кастрировать, ограничить разумомъ, познаніемъ, поправить божеское человѣческимъ. Мы все еще требуемъ отъ „серьзнаго“ искусства „учительства“, содержанія „идей“, мы все еще готовы ставить на первомъ планѣ художниковъ, которые при помощи искусства учили бы насъ, какъ гимназистовъ, именно въ этомъ смыслѣ, преподавая чуть-ли не готовыя, разжеванные формулы. Мы все еще не понимаемъ, что глубже всего учить непосредственное художественное творчество, не желающее учить, ибо только въ такомъ творчествѣ лежитъ сверхчеловѣческое, божественное начало, то, что дѣйствуетъ не на одинъ разумъ, а на все наше существо, что мы воспринимаемъ какимъ-то внутреннимъ постиженіемъ, неизмѣримо болѣе глубокимъ, чѣмъ постиженіе сознательное. Такъ, съ одной стороны, не мало говорилось и писалось о „безпринципности“ Чехова, а съ другой и ему старались и стараются навязать „учительство“, пусканіе „лучей свѣта“ и т. п. Ну и само собой понятно, нельзя обойтись безъ мѣроу, безъ вѣвѣвшейся буржуазной манеры прикладывать аршинъ, взвѣшивать на пуды, фунты и золотники. Буржуа очень хочется и художниковъ распределять по рангамъ, производить въ чины. Про Чехова говорили: „все-таки онъ ниже Толстого, Достоевскаго, Тургенева“. Уже не потому-ли наиболѣе буржуазная часть русскаго общества почти не участвовала въ его посмертномъ чествованіи, что прикинувъ обычный аршинъ, нашла чинъ и рангъ покойнаго недостаточно высокими? Какъ будто каждый истинный художникъ прежде всего не „самъ по себѣ“. Вѣдь онъ прежде всего художникъ оригинальный, онъ прежде всего вноситъ въ искусство свое, новое, то, чего еще не было, и потому онъ драгоцѣненъ, ибо даритъ намъ новое открытіе, еще не испытан-

ное наслаждение. Захватъ художника можетъ быть болѣе или менѣе широкъ и глубокъ, и все-таки именно въ самой своей сущности художники несоизмѣримы. Каждый даетъ свою красоту, каждый, какъ цвѣтокъ, имѣетъ свое особое благоуханіе, свои особые радужные лепестки. Такимъ чистымъ, прекраснымъ, искреннимъ и потому новымъ художникомъ былъ Чеховъ. Онъ создалъ свой совершенно оригинальный родъ поэзіи, которому по духу такъ близка поэзія картинъ другого еще недавняго покойника Левитана,—изящный, грустный „чеховскій“ лиризмъ въ эпической, реалистической формѣ, такой же какъ лиризмъ левитановскихъ пейзажей—нѣжный, отрадный и музыкальный, такъ ярко проникающій послѣднія драматическія произведенія, сквозящій даже въ нѣкоторыхъ юмористическихъ разсказахъ. И въ то же время рисунокъ Чехова одними намеками — чудный, сжатый, широкий, опять-таки свойственный одному ему и глубоко-художественный. Чеховъ чистокровный художникъ, чуждый какому-бы то ни было учительству и преднамѣренности, не побоявшійся написать своихъ „Мужиковъ“, не смотря на грозящіе персты корифеевъ изъ толстыхъ журналовъ и, наказавшихъ-таки его, членовъ „Союза русскихъ писателей“, создавшій такую поразительную сильную и художественную вещь, какъ „Въ оврагѣ“. Современное свободное искусство, отдѣлавшееся наконецъ отъ всевозможныхъ „указокъ“ и „завѣтовъ“, давно уже выдохшихся и одряхлѣвшихъ, потеряло въ Чеховѣ одного изъ тѣхъ драгоценныхъ художниковъ, которые, сбросивъ оковы „человѣческаго“, во всей чистотѣ проявляютъ самое загадочное, глубочайшее и божественное изъ всего, что заложено въ человѣкѣ,—талантъ, и потому такъ прекрасно расцвѣтаютъ и такъ многое общающъ. Нельзя не грустить, что въ одномъ изъ красивѣйшихъ уголковъ Москвы, гдѣ еще долго и все попрежнему часовой колоколъ на высокой красивой колокольнѣ будетъ отбивать минуты, а темно-зеленыя Воробьевы горы смотрѣть сквозь зубцы стѣны, подъ развѣсистыми деревьями, среди молчаливыхъ крестовъ и памятниковъ, такъ преждевременно пріютилась и навсегда останется безмолвной могила, засыпанная землей и цвѣтами.

А. Ростиславовъ.

МИНУВШІЕ ДНИ *).

(Изъ воспоминаній П. А. Стрепетовой).

Прошло три года. Елизавета Ивановна получила приглашеніе изъ Симбирска, гдѣ нуждались въ актрисѣ «съ голосомъ», и предлагали, сравнительно, довольно выгодныя условія. Не долго думая, она взяла съ собою пріемнаго сына Ваню и отправилась одна въ Симбирскъ. Антипъ Григорьевичъ, состоявшій въ то время на службѣ, въ качествѣ парикмахера, при нижегородскомъ театрѣ, не могъ сопровождать жену въ ея путешествіи. Онъ остался въ Нижнемъ съ свояченицей и старухой няней Евфросиньей Ивановной, очень оригинальнымъ существомъ, о которомъ мнѣ придется много говорить впослѣдствіи. Весь Нижний зналъ ее подъ именемъ «стрепетовской няни».

Квартира Антипа Григорьевича, въ то время, находилась на Покровской улицѣ, въ домѣ кондитера Кемарскаго. Это было небольшое, коричневое одноэтажное зданіе, съ маленькими окнами и маленькимъ, въ одну ступеньку крылечкомъ, выходящимъ на улицу какъ разъ подлѣ калитки, ведущей во дворъ.

Нижний, въ прошломъ, не могъ похвалиться особенной любовью къ чистотѣ, неряшество было отличительной чертой этого города, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, никогда это неряшество не представляло такого абсолютнаго въ своемъ родѣ совершенства, какъ въ описываемое время. По грязной, изрытой ухабами, мостовой, куда выбрасывались соръ и помой, куда стекали всевозможныя нечистоты съ еще болѣе грязныхъ дворовъ, спокойно разгуливали коровы, лошади, свиньи; собаки цѣлыми стаями

бѣгали взадъ и впередъ, находя себѣ обильную пищу на тротуарахъ. Тутъ-же, въ живописномъ беспорядкѣ, валялись трупы и скелеты различныхъ животныхъ, умершихъ частью естественною, частью насильственной смертью. Лѣтомъ страшная пыль, осенью и весною невылазная грязь, зимою—непроходимые снѣжные сугробы, и во всѣ времена года ужасный, пропитанный мiasмами, смрадный, отвратительный воздухъ. Таковъ былъ Нижний въ 1850 году *), почти весь, за исключеніемъ главной улицы, на которой замѣчалось немного больше порядка.

Особенно ужасны были въ Нижнемъ осеннія ночи, тьма невозможная. Хотя по улицамъ и красовались толстые столбы, съ огромными неуклюжими фонарями, но фонари эти, своими тусклыми, прокопченными стеклами, еще болѣе увеличивали мракъ темныхъ октябрьскихъ ночей, распространяя вокругъ себя только чадъ и копотъ.

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, когда всѣ магазины уже кончили свою дѣятельность, когда жители благословеннаго города, ужиная, предвкушали возжеланный покой безмятежнаго сна на мягкихъ пуховыхъ перинахъ—мальчикъ—подмастерье Антипа Григорьевича, выходя запирать парадныя двери парикмахерской, наткнулся на лежащій возлѣ самыхъ дверей небольшой кулечекъ, и вѣроятно не находя его особенно интереснымъ для себя, самымъ безцеремоннымъ образомъ швырнулъ ногою. Кулечекъ пискнулъ, и затѣмъ ясно послышался тихій дѣтскій плачъ. Подмастерье такъ и ринулся назадъ. Ошалѣлый, въ ужасѣ вбѣжалъ онъ въ комнату Евфросиньи Ивановны.

— Няня... голубушка... у насъ не благополучно! У дверей... у парадныхъ... Батюшки страсти!.. кулечекъ, не кулечекъ... кто его знаетъ... Господи!

— Да что, говори, полоумный?.. Чего еще тамъ не благополучно?.. Какой такой кулечекъ?—допытывала встревоженная, въ свою очередь, няня.

— Не знаю... посмотрите... Господи!.. Да гдѣ Антипъ Григорьевичъ... Пойдемте... страсть... нянюшка... хозяинъ...—лепеталъ еле переводя духъ, бѣлый какъ мука, перепуганный подмастерье.

Весь домъ поднялся на ноги. Взяли свѣчи, пошли къ дверямъ. Дѣйствительно небольшой кулечекъ лежалъ на краю самой ступени крыльца. Его подняли, внесли въ комнату, развернули—тамъ оказался крошечный ребенокъ—дѣвочка, повидимому недавно рожденная, завернутая въ тряпки и при ней два куска сахару, неизвѣстно кѣмъ и для чего положенные. Ни письма, ни записки. Въ первый моментъ всѣ вдругъ, какъ водится, совершенно растерялись, потомъ заахали, забѣгали, засуетились. Начались догадки, вопросы, соображенія, совѣты... Прибѣжали какія-то сосѣдки, разсматривали ребенка, охали, качали головами, шептались, спрашивали о мельчайшихъ подробностяхъ происшествія, словно дѣло касалось ихъ особъ, словно отъ этого зависѣло ихъ личное благополучіе. Шумъ, гамъ, толкотня. Антипъ Григорьевичъ далъ знать квартальному и написалъ обо всемъ женѣ въ Симбирскъ, спрашивая ея совѣта, какъ поступить въ данномъ случаѣ. Ему было жалъ отдавать ребенка въ полицію. Елизавета Ивановна, конечно, не задержала отвѣтомъ. Она была вполне согласна съ мужемъ и просила его оставить дѣвочку въ ихъ семьѣ.

Обрадованный Антипъ Григорьевичъ немедленно назначилъ день крестинъ, пригласивъ крестнымъ отцемъ своего родственника по женѣ—актера Аео-насьева, крестной же матерью пожелала быть няня Евфросинья Ивановна.

*) См. № 29.

*) Такимъ онъ оставался и еще лѣтъ десять.

Аеоноасевъ задержался на репетиціи и не попалъ къ началу торжества; вслѣдствіи чего на половину обрядъ за него отправилъ самъ Стрепетовъ. Священникъ назвалъ дѣвочку Пелагеей, такъ какъ это имя приходилось ближайшимъ на недѣлѣ.

Кулекъ съ ребенкомъ былъ подброшенъ 4 октября 1850 года. Вотъ почему этотъ день я считаю днемъ своего рожденія.

II.

Первыя впечатлѣнія. Няня. Смерть крестнаго и дружба съ Лизой. Вечера въ комнатѣ крестной. Вліяніе сказокъ. Первое горе. Моя подруга Катя Т. Семейство Нестеровыхъ и Синичка. Наши визиты къ нимъ. Сѣрый человѣкъ. Нервные припадки. Учитель Левъ Егорычъ. Чтеніе романовъ. Повѣсть Тургенева. Знакомство съ Агнесой Линдеманъ. Старовѣръ Мелединъ. Переѣздъ съ квартиры и новыя лица.

Первыя впечатлѣнія ранняго дѣтства всегда какъ-то странно ложатся въ памяти. Трудно рѣшить, на примѣръ, въ силу какихъ причинъ два, повидимому, совершенно одинаковые предмета производятъ на душу ребенка діаметрально противоположныя впечатлѣнія. Одно остается въ памяти его на всю жизнь, другое—исчезаетъ безслѣдно, хотя въ данный моментъ, казалось, вниманіе ребенка было заинтересовано въ равной степени, какъ тѣмъ, такъ и другимъ предметомъ.

Театръ «Озерки».

„Красная мантия“.
Г. Невѣрнинъ—Эче-
паръ.
(Шаржъ).

Вообще тотъ періодъ моего дѣтства пока организмъ жилъ еще инстинктами, пока разумъ еще спалъ—представляетъ собою рядъ самыхъ отрывочныхъ, безсвязныхъ, чисто внѣшнихъ воспоминаній. А потому я буду передавать ихъ также отрывочно, какъ отрывочно они живутъ въ моей памяти.

...Я была, вѣроятно, не болѣе какъ по другому году. Ходить я еще не умѣла, а ползала на четверенькахъ... Не знаю отчего, я сильно расплакалась. Чтобы какъ-нибудь успокоить, крестница Антипа Григорьевича взяла меня на руки и поставила на стулъ передъ окномъ, выходившимъ на улицу. Была зима. По улицѣ проѣзжалъ обозъ съ дровами. День былъ, должно быть, очень морозный, потому что мужики, широко размахивая руками и похлопывая рукавицами, въ припрыжку бѣжали возлѣ дровенной... Я вдругъ перестала плакать. Меня, помню, особенно поразили тулупы мужиковъ, а главное ихъ круглыя мохнатыя ушастыя шапки, ихъ заиндевѣвшія бороды... Мнѣ показалось, что это бѣгутъ не люди, а какіе-то чудные,—до сихъ поръ не виданные мною звѣрки...

...Потомъ смутно припоминаю еще другое обстоятельство. Дѣло происходитъ весною или лѣтомъ. Меня болную вносятъ на рукахъ въ большую комнату. На мнѣ одѣтъ поношенный, длинный муаровый бурнусъ на розовой выцвѣтшей подкладкѣ. Подходить мужчина огромнаго роста... «Здравствуй чиноша!» говоритъ онъ густымъ басомъ, нѣжно дотрагиваясь двумя пальцами до моей щеки. Онъ мнѣ показался похожимъ на лошадь. Этого человѣка я впослѣдствіи часто видала. Звали его—«дядя Александровъ». Онъ былъ актеръ и всеобщій дядя, хотя родственниковъ въ Нижнемъ у него никогда никакихъ не было. Александровъ страстно любилъ дѣтей; онъ постоянно ласкалъ

насъ, и при этомъ, всѣмъ намъ надавалъ прозвища. Такъ, Ваню (пріемыша)—онъ звалъ «калашникомъ», меня—«чиношей», Гришу (родного сына Стрепетовыхъ, тогда еще грудного малыша)—благословилъ названіемъ «нѣмца», вѣроятно потому, что Гриша былъ хилый, болѣзненный ребенокъ; а по глубокому убѣжденію дяди—Александрова всякій нѣмецъ именно тѣмъ-то и отличался отъ прочихъ людей, что онъ «тонокъ», какъ сѣрная спичка и всегда чѣмъ нибудь боленъ»...

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ВИЛЬНА. Товарищество оперныхъ артистовъ «киевского городского театра», подъ дирекціей И. А. Шумана, закончило свои спектакли 7 іюля. За два мѣсяца поставлены были 19 оперъ, давшихъ сборы: «Жизнь за Царя» (отдѣльно и съ 1 актомъ «Руслана») — 837 р. и 467 р.; «Евг. Онѣгинъ» — 346, 309, 324, 343, 620 (съ участіемъ г. Каміонскаго), 501 р. (бенеф. Бочарова); «Фаустъ» — 336, 189, 276, 292, 250 р.; «Аида» — 259, 240 и 279; «Демонъ» — 345, 612, 342, 264, 830 (съ участіемъ г. Каміонскаго), 303; «Травиата» — 209; «Пиковая дама» — 640, 335, 241, 960 (гастр. г. Давыдова) и 189, «Самсонъ и Далила» — 329, 190, 640 (гастр. Давыдова); «Карменъ» — 612, 330, 264, 1030 (гастр. Давыдова); «Паяцы» — 137, 930 (гастр. Давыдова); «Лакмѣ» — 397, 434, 418; «Мазепа» — 492, 394, 530 (съ участіемъ г. Каміонскаго); «Русланъ», 1 актъ, и «Паяцы» — 361; «Риголетто» — 282, 530 (гастр. г. Каміонскаго); «Юланта» съ другими операми — 381, 221; «Галька» — 321, 169; «Гугеноты» — 312, 288; «Царская невѣста» — 424 и 519 р. (бенефисъ И. А. Шумана); «Русалка» — 362; «Гензель и Гретель» — 202 р. Всего взято 26 тыс. руб. (изъ нихъ надо вычесть часть сборовъ съ 3 спектаклей, откупленныхъ благотворительными обществами). Расходы на содержаніе оркестра, хора гарантированныя въ половинномъ размѣрѣ жалованья членамъ товарищества и плата гастролерамъ за каждый выходъ г. Давыдову по 250 р., а г. Каміонскому — 125 р. превысили доходы на 3700 р. Этимъ не опредѣляется еще истинный размѣръ убытка, понесенныхъ г. Шуманомъ: имъ сдѣланы крупныя затраты на новые костюмы, декорации, которыми товарищество пользовалось безвозмездно, какъ равно и театромъ, принадлежащимъ г. Шуману.

Изъ этихъ цифровыхъ данныхъ видно, что за исключеніемъ перваго, праздничныхъ, гастрольныхъ и двухъ бенефисныхъ спектаклей, всѣ сборы плохіе. Чтобы объяснить равнодушіе публики, сваливаютъ причины на холодные вечера, войну, клубы. Мнѣ кажется, что этимъ факторамъ приписано преувеличенное значеніе. Не мѣшали же они успѣху цирка, гастролерамъ Орленева, гастролерамъ Давыдова. Слабый же успѣхъ нѣкоторыхъ гастролей г. Каміонскаго объясняется тѣмъ, что шли оперы «Риголетто», «Паяцы», въ которыхъ онъ пользуется меньшей извѣстностью у публики. Съ нетерпѣніемъ публика ждала, на примѣръ, появленія его въ партіи «Фитаро»; но былъ поставленъ лишь первый актъ. Вообще репертуаръ послѣ первыхъ недѣль обнаружилъ тяготѣніе къ повтореніямъ однихъ и тѣхъ же оперъ. Хотя предварительный анонсъ передъ началомъ сезона возвѣщалъ о томъ, что стрепетованы и готовы къ постановкѣ много новыхъ для Вильны оперъ, но «Лакмѣ», «Юланта» и «Гензель и Гретель» оказались единственными «новинками», увидѣвшими нашу сцену. Прочтѣталъ заигранный репертуаръ: «Онѣгинъ», «Демонъ», «Пиковая дама», «Фаустъ», «Паяцы» и др.—оперы, въ которыхъ виленыцы сравнительно недавно слышали лучшія силы опернаго міра и русскаго и италіанскаго. Трудно было поэтому заинтересовать публику такимъ репертуаромъ.

Въ лицѣ г. Палицына мы имѣли опытнаго дирижера, поставившаго оркестръ на значительную и рѣдкую для лѣтней антрепризы высоту; похвалы заслуживаютъ также хоры. Ансамбль по большей части былъ приличный. Режиссеръ г. Гельротъ въ предѣлахъ тѣхъ средствъ, которыя были въ его распоряженіи, дѣлалъ все, чтобы постановки отличались опрятностью и тщательностью. Что касается исполнителей, то нельзя не отмѣтить нѣкоторыхъ недочетовъ. Въ главныхъ партіяхъ, притомъ въ операхъ, чаще всего ставившихся, появились начинающія пѣвицы г-жи Калиновская и Зеленская. Это дало поводъ одному изъ мѣстныхъ рецензентовъ заподозрѣть г. Гельрота въ томъ, что «воспользовавшись денежной гарантіей И. А. Шумана, онъ превратилъ нашу сцену въ школу для приготовления пѣвцовъ и пѣвицъ для Кіева». На тенора г. Эрнста возложена была непосильная задача исполнять первыя партіи, съ которыми онъ справлялся не безъ большаго напряженія голоса; зато онъ хорошо въ небольшихъ партіяхъ.

Хорошую память по себѣ оставили молодые гг. Бочаровъ

зала и артистовъ съ хорошей стороны, такъ какъ въ сущности не надъ чѣмъ было и стараться. Слѣдующей пьесой была „Падшіе“. На первомъ мѣстѣ должно поставить г-жу Бронскую, игравшую роль Вари. Г-жа Бронская дала нѣсколько неподдѣльных искреннихъ моментовъ. Особенно сильное впечатлѣніе произвела сцена послѣдняго акта. Г-жа Бронская артистка, хотя очевидно и молодая, но съ несомнѣннымъ дарованіемъ. Понравился г. Новскій въ роли прокутившагося барина-богача. Приличенъ г. Арбенинъ въ сценѣ въ ночлежкѣ, хотя въ его монологѣ много крика и излишней экспрессіи, совсѣмъ неумѣстной въ его положеніи. Приличенъ также г. Лешковскій и г-жа Корали. Роли Дуни и Поли сыграны небрежно и вяло г-жами Красникой и Новской. Остальной антуражъ составленъ очевидно изъ выходныхъ артистовъ. *И. Сельскій.*

КРЕМЕНЧУГЪ. Изъ года въ годъ, уже на протяженіи цѣлаго ряда лѣтъ, у насъ въ началѣ мая открываются въ лѣтнемъ театрѣ городского сада спектакли малороссовъ, которые съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ продолжаются до двухъ мѣсяцевъ и затѣмъ театръ служить для случайныхъ гастролеровъ.

Въ текущемъ году лѣтній театръ открылся драмой, подъ управленіемъ и антрепризой Н. Н. Казанскаго.

Начались спектакли 6-го мая, въ холодную погоду, — для открытія поставлена была пьеса Ракшанина „Порывъ“. Открытіе театра совпало съ мобилизаціей мѣстныхъ войскъ, а, вдобавокъ, и погода не благоприятствовала, такъ что первый сборъ былъ весьма грустный.

Первое время шель забористый репертуаръ; наряду съ „Киномъ“ шель фарсъ „Вопросительный знакъ“, „Вишневый садъ“ смѣнялся злободневнымъ „Японскимъ шпиономъ“, но публика настойчиво не посѣщала театра.

Мало-по-малу, однако, ледъ сталъ таять.

Сборы постепенно улучшались. Въ результатѣ, предпріятіе Казанскаго и Вечерѣва (компаньона) оказалось даже прибыльнымъ.

Открытіе спектаклей показало, что въ сформированной г. Казанскимъ драматической группѣ имѣются извѣстныя силы. Такъ сценической внѣшностью, изящными манерами и хорошей дикціей обратили на себя вниманія grande-coquette г-жа Нѣгина, молодая, нервная, артистка г-жа Валентинова, комическая старуха г-жа Старицкая, разнообразный интеллигентный актеръ г. Горбачевскій, комикъ г. Сашинъ и отличный бытовой актеръ г. Лебедевъ. Послѣдній состоялъ и режиссеромъ.

Вскорѣ, однако, составъ труппы неожиданно сократился. Уѣхалъ талантливый г. Сашинъ, вслѣдъ за нимъ оставила труппу и г-жа Старицкая. Остался квартетъ, на которомъ только и могла выѣзжать антреприза.

Выбывавшіе опытные актеры замѣнялись случайными любителями.

Отношеніе артистовъ также сказалось на выборѣ бенефисныхъ пьесъ, которыя далеко не говорили за то, что бенефицианты серьезно считаются съ предоставленнымъ имъ правомъ.

Если тѣмъ не менѣе антреприза все-таки не понесла убытковъ, а получила нѣкоторую прибыль, то можно сдѣлать выводъ, что нашъ городъ представляетъ благодарную почву для театральнаго предпріятія. *П. Дей-анг.*

РЕПЕРТУАРЪ музыкальныхъ вечеровъ Павловскаго вокзала съ 26-го Іюля по 2-е Августа.

ВХОДЪ БЕЗПЛАТНЫЙ. Начало въ 8 час. 5 мин. вечера.

Окончаніе въ будни къ 10 ч. 50 м. веч., въ праздничные дни къ 11 ч. 20 м. веч.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 26 Іюля. Вечеръ легкой музыки подъ управленіемъ Эд. Кабелла. Солисты: Корнелиусъ Влитъ. (Всѣ три отдѣленія, при хорошей погодѣ, въ саду).

ВТОРНИКЪ, 27 Іюля. 14-й симфоническій вечеръ русскихъ и славянскихъ авторовъ. Подъ управленіемъ Жозефа Лассаль и Венсанъ д'Энди—Симфонія „Валленштейнъ“. Солисты: Артистъ Императорской оперы Я. А. Фрей и піанистъ Лембо.

СРЕДА, 28 Іюля. Вечеръ подъ управленіемъ В. Земанекъ. Солисты: профессоръ Эд. Жакобсъ и г-жа Велецкая (пѣніе). (2-е отдѣленіе въ залѣ).

ЧЕТВЕРГЪ, 29 Іюля. 15-й симфоническій вечеръ русскихъ и славянскихъ авторовъ. Подъ управленіемъ Жозефа Лассаль. Солисты: піанистъ г. Гляссеръ и Артистъ Императорской оперы Я. А. Фрей (Брукнеръ—Симфонія № 2).

ПЯТНИЦА, 30 Іюля. Вечеръ подъ управленіемъ д-ра В. Земанекъ и Эд. Кабелла. Солисты проф. Эд. Жакобсъ и артистка русской оперы А. П. Кузнецова. (2-е отдѣленіе въ саду).

СУББОТА, 31 Іюля. Вечеръ Іоганна Штрауса, подъ управленіемъ д-ра Вильгельма Зиманекъ. Входъ безплатный.

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 1 Августа. Сотый музыкальный вечеръ Пражскаго Филармоническаго оркестра. Подъ управленіемъ д-ра В. Земанекъ и Эд. Кабелла. Солисты: Влитъ, Борейскій и Голубова.

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Новый лѣтній театръ и садъ „НЕМЕТТИ“.

Петербургская сторона, В. Зеленина. ул. уголъ Геслеровскаго пер.

Дирекція **В. Е. ВЛАДИМИРОВА.**

Оперетта, Феерія, Балетъ, Дивертиссементъ и обзорѣніе.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Гастроли Ю. Шпильмана, Ризы Нордштремъ, С. О. Троцкой, и друг.

СОСТАВЪ ТРУППЫ. Г-жи: Алексѣева, Державина, Краевская, Манина, Нѣминова, Саржинская и др. Гг. Андріевскій, Балашевъ, Владиміровъ, Воронинъ, Грѣховъ, Массальскій, Рагомскій, Соколовъ, Шульгинъ, Фатѣвъ, Чугаевъ и др. Гл. капельмейстеръ А. М. Апрѣльскій, гл. режиссеръ В. Е. Владиміровъ, помощникъ режиссера г. Балашевъ. Балетъ подъ управленіемъ г-жи М. Лантревичъ. Администраторъ О. М. Литвиновъ.

Въ саду грандіозный разнообразный дивертиссементъ: хоры солисты, куплетисты, шабасовцы, пѣвицы, гимнасты, 3 оркестра музыки.

Начало музыки въ 7 ч. вечера. * Начало спектакля въ 8½ ч. веч.

12 ЧЕРНЫШЕВЪ ПЕР. 12
Телеф. 3548.

ЖЕНСКАЯ ЛЕЧЕБНИЦА

Д-ра **КОРАБЕВИЧА.**

Постоянн. кров., акушер., женск. (венер.) и дѣтск. бол. Массажъ свѣто- и элентролѣч. Ежед. кромѣ воскресныхъ дней 11—12 ч. и 6—7 ч. веч.

Преподаватель пѣнія

6260 **ПЕТЦЪ** 3—2
остается въ Кіевѣ съ 15-го Іюля до 1-го Сентября и даетъ уроки.

„Б А Б Ъ“,

пьеса П. Грицевской, ц. 2 руб.

ОПЕРЕТТА Казанскаго ЛѢТНІЙ САДЪ и ЦЕНТРАЛЬ

офицерская 39.

Комическая опера, оперетта, обзорѣнія, балетъ и дивертиссементъ.

Гастроли знаменитой артистки **СИМОНЪ ЖИРАРЪ.**

СОСТАВЪ ТРУППЫ (въ алфавитномъ порядкѣ) М. П. Арлави, М. В. Бѣльская, В. И. Варламова, М. Н. Воронцова-Ленни, Е. В. Грановская, М. Г. Лидина, Е. Н. Морозова-Лидина, М. А. Руджери, М-ле Ольга Турчи, Ф. Д. Августовъ, А. П. Гаринъ, М. Г. Голубковъ, М. С. Дальскій, М. Т. Дарьялъ, М. А. Завадскій, А. П. Кальверъ, А. Д. Кошескій, Г. Г. Кубаловъ, М. А. Леонидовъ, П. М. Николаевъ, Н. Н. Никольскій, В. З. Пронскій, М. И. Сафроновъ, С. В. Юреневъ.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ.

Начало музыки въ саду въ 7 час. веч. (по Субботамъ въ 8 час. веч.). Начало спектакля въ 8¼ час. веч. Окончаніе не позже 11½ час. веч.

Главный режиссеръ В. К. Травскій.

Главный капельмейстеръ В. І. Шапчекъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Режиссеръ, интеллигентный, опытный, знающій требованія современной сцены, нуженъ для кружка любителей, играющихъ 8 лѣтъ, для постановки еженедѣльныхъ спектаклей во вновь выстроенномъ театрѣ просвѣтительнаго О-ва „Помощь“. Репертуаръ—драма и серьезная комедія. Служба для режиссера—съ 1-го Сентября. Предложенія присылать до 15-го Августа, въ г. Вологду (губ.) Правленію Общества „Помощь“.

6259

2—2

КРЕМЕНЧУГЪ

(Полт. губ.).

Отдается залъ и сцена Аудиториі попеч. трезв. (Освѣщеніе электрическое). Декораціи художественныя. Вместимость—550 мѣстъ. Съ запросами обращаться по адресу: Кременчугъ, контора Аудиториі.

6252

6—4

СТИХОТВОРЕНІЯ**З. БУХАРОВОЙ.**

Ц. 75 коп. безъ пересылки.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.

ДРАМАТИЧЕСКІЕ КУРСЫ**А. И. ДОЛИНОВА.**

Утвержд. Министер. Внутр. Дѣлъ.

Садовая, 21.

* **ОДЕССА.** *

Садовая, 21.

Предметы преподаванія: выразительное чтеніе; сценическое искусство; исторія театра; исторія быта; исторія литературы русской и всеобщей; мимика; пластика; рисованіе; гримъ; фехтованіе; танцы. Оканчивающіе курсы получаютъ аттестаты и свидѣтельства.

6255

Программы высылаются бесплатно.

6—3

НОВЫЙ ЛѢТНИЙ ТЕАТРЪ

(Бассейная, 58). Дирекція Е. Н. Кабанова и К. Я. Яковлева. (Бассейная, 58).

РУССКАЯ ОПЕРА

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ НЕДѢЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАРЪ.

Въ Понедѣльникъ, 26-го Іюля: съ участіемъ Клементьева 1) „Паяцы, 2) „Сельская честь“. — Во Вторникъ, 27-го: „Пиковая дама“. — Въ Среду, 28-го: Первый выходъ знаменитаго тенора КРИЗМЕРЪ, „Травиата“. — Въ Четвергъ, 29-го: „Отелло“. — Въ Пятницу, 30-го: съ участіемъ Клементьева, „Африканна“. — Въ Субботу, 31-го: Второй выходъ Кризмеръ, „Травиата“. — Въ Воскресенье, 1-го Августа: 1) „Паяцы“, 2) „Сельская честь“.

СОСТАВЪ ТРУППЫ:

Женскій персоналъ. Сопрано: Г-жи Львовская, Друзякина, Антонова, Генверъ, Свѣтловская, Скорупская; Меццо-сопрано: Г-жи Черненко, Добжанская, Лонская, Платонова, Серенова. Мужской персоналъ. Тенора: Г-г. Вонаичъ, Орѣшквичъ, Корженевъ, Колотовъ, Борисовъ, Нестеровъ. Баритоны: Г-г. Брагинъ, Виноградовъ, Романовъ. Басы: Горяиновъ, Сергѣевъ, Измайловъ, Диденко, Циммерманъ.

Капельмейстеры Г-г. Джованни Пагани и Эмилъ Куперъ. Хормейстеръ А. Кавалини. Концертмейстеръ М. Якобсонъ. Балетмейстеръ К. Менабени. Оркестръ 40 человекъ. Хоръ 48 человекъ. Прима-балерина Е. Чекетти. Главный Администраторъ М. М. Валентиновъ.

Театры и сады СПБ. Городского Попеч. о народной трезвости.

Садъ и театр Народнаго дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 25-го Іюля: „СЕМЕЙНЫЯ ТАЙНЫ“. — 26-го: „БАЙБАКЪ“. — 27-го: „ТЕТЕНЬКА“. — 28-го: „СОЛОМЕННАЯ ШЛЯПКА“. — 29-го: „СТАРОЕ ПО НОМУ“. — 30-го: „ОТЪ ПРЕСТУПЛЕНІЯ КЪ ПРЕСТУПЛЕНІЮ“. — 31-го: БОЛЬШОЙ КОНЦЕРТЪ СИМФОНИЧЕСКАГО ОРКЕСТРА.

ТАВРИЧЕСКІЙ САДЪ и ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье, 25-го Іюля: „ДѢВИЧІЙ ПЕРЕПОЛОХЪ“. — 26-го: ШЕЙЛОКЪ (Венеціанскій купецъ). — 27-го: „ГЛУХОНѢМОЙ“. — 28-го: „РАСТОЧИТЕЛЬ“. — 29-го: „РОДИНА“. — 30-го: „ДѢВИЧІЙ ПЕРЕПОЛОХЪ“. — 31-го: КОНЦЕРТЪ СТРУННАГО ОРКЕСТРА и ДИВЕРТИССЕМЕНТЪ.

ЕКАТЕРИНГОФСКІЙ САДЪ и ТЕАТРЪ.

Въ Воскресенье, 25-го Іюля: „ПАРИЖСКІЕ НИЩЕ“.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ (бывш. Стеклан. зав.).

Въ Воскресенье, 25-го Іюля: „ТЕРЕНТІЙ МУЖЪ ДАНИЛЬЕВИЧЪ“.

Завѣдыв. театр. частью А. Я. Алексѣевъ.

15 ШКОЛЬНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Цѣна 50 к.

Для 3-хъ дѣтскихъ или женскихъ голосовъ

на слова извѣстныхъ русскихъ поэтовъ музыка **МИХАИЛА ГОЛЬТИСОНА.**

Изданіе журнала „Народное Образованіе“, издаваем. при Училищномъ Совѣтѣ Св. Синода.

Выписыв. можно: Спб. Кабинетск., д. 13.

ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ

новая пьеса В. В. Протопопова: „ОБВИНЯЕМАЯ“ (поставлен. 8 іюля въ Москвѣ въ „Акваріумѣ“). Готовятся къ печати: 1) „ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА“ пьеса Рышкова (первая новинка Московскаго Малаго театра и Спб. Лит.-Худ. Общ.). 2) „ЖЕНСКАЯ ВОЛЮШКА“ новая пьеса В. В. Протопопова (включ. въ репер. театра Литер.-Худож. Общ.).

Театръ и садъ „БУФФЪ“.

Дирекція П. В. Тумпакова.

Фонтанка, 116. ♦ Телефоны 1967—1968.

Русская опера, оперетта, феерія и балетъ.

СОСТАВЪ ТРУППЫ (въ алфавитномъ порядкѣ) Женскій персоналъ: М. М. Брянская, Е. И. ВАРЛАМОВА, А. В. Гринева, А. А. Демаръ, С. М. Жудинская, Е. Д. Никитина-Цальская, М. П. Платонова, Р. М. РАЙСОВА, М. П. РАХМАНОВА, А. А. СМОЛИНА. Мужской персоналъ: А. А. БРЯНСКИЙ, М. И. Вавичъ, В. П. Валентиновъ, А. В. ВИЛИНСКИЙ, М. С. ДАЛЬСКИЙ, А. Д. КАМЕНСКИЙ, И. И. Корженевскій, Н. Е. КУВАНСКИЙ, С. Л. ЛЬВОВЪ, Н. К. Мартынево, А. С. ПОЛОНСКИЙ, І. Д. РУТКОВСКИЙ, Н. Г. СВѢТЛАНОВЪ, Н. Г. СѢВЕРСКИЙ, М. И. Татаринцовъ.

Главный капельмейстеръ А. А. ТОННИ. Главный режиссеръ А. А. БРЯНСКИЙ. Балетмейстеръ Ф. О. Жабчинскій. Капельмейстеръ Л. П. Шилковъ. Хоръ изъ 75 человекъ. Балетъ изъ 22 человекъ. Оркестръ изъ 32 человекъ.

Въ качествѣ балерины на весь лѣтній сезонъ приглашена м-ль ЭДЕА САНТОРИ, prima ballerina Парижскаго театра „Opéra Comique“.

Увеселенія продолжаютъ весь вечеръ непрерывно.

Начало музыки въ саду въ 7 час. вечера (по Субботамъ—въ 8 час. вечера)

Начало спектаклей ровно въ 8½ час. вечера.

За входъ въ садъ 40 к. (съ благотворительнымъ сборомъ). Лица, взявшія билеты въ театръ, за входъ въ садъ не платятъ.

Вр. Лейфертъ

предлагаютъ

по

в. дешевой цѣнѣ

отличнаго

качества

СПБ. Караванная, 18.**ТРИКО**

нитяное № 218—отъ 1 р. 85 к.
до 2 р. 10 к.
полушолковое № 99—отъ 6 р. 15 к.
до 7 р. 20 к.
шолковое № 104—отъ 10 р. 15 к.
до 12 р. 25 к.
шолковое № 123—отъ 16 р. 80 к.
до 19 р. 95 к.

Цѣны зависятъ отъ размѣра.